

o
(*>
(*>

Максим Калашник

Раскрутка компилятора

18+

Максим Калашник

Раскрытие компилятора

<https://litres.ru/72186313>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мощные квантовые компьютеры и модернизированные нейронные сети до уровня ядерной бомбы. Геополитические вопросы решаются за счет ИИ. Макропространство космоса, микромир с намоткой человеческого естества на нейтрино и иные элементарные частицы.

Физика сталкивается с религией и антропный принцип ближе, чем кажется. Отчаяние и безнадежность с людскими текстурами, затягиваемых в кротовую нору щелчком одной клавиши на компьютере. Персонажи не строят гипотезы, а лично имеют дело с суровыми законами квантового самоубийства и бессмертия.

Главный неназванный герой путешествует по биомам миров через виртовую капсулу, примеряя на себя различные оболочки. Кошку Шредингера, червоточины и теорию относительности можно пощупать. Четырехмерные измерения, онейронавтику, встречу с жителями балка и симуляцию вселенной ощутит на себе главный неназванный герой, чтобы достичь банальных целей от спасения близких до получения желаемого.

Максим Калашник

Раскрутка компилятора

Предисловие

Уважаемый читатель!

Раскрутка компилятора непросто очередная художественная история, по крайней мере для меня и надеюсь она может стать такой для других. В данном рассказе мысли, тревожащие, на субъективный взгляд, многих, кто крутится в научной тематике, даже без углубленных знаний основ. Ранее меня все эти темы интересовали в меньшей степени. Больше девушки, компьютерные игры, алкоголь и музыка. Смены приоритетов проявились внезапно и началось все вот с чего...

Как-то с моим другом ехали мы на корпоратив, взяли каршеринг. На трассе угодили в серьезную аварию с грузовым транспортом. Другу повезло больше, ни царапины, а я вот отлеживался с сотрясом и сильными гематомами на больничном около недели. После происшествия что-то щелкнуло, как будто перекинуло в другую вселенную. Сначала ковид, потом спецоперации по всему миру. Все резко сместило вектор, но не только в окружении. Меня самого стали интересовать иные вещи. Я углубился в тематику квантового бессмертия, эффекта Манделы и др. Стал чаще обращать

внимание на дежавю, не приписывая этому состоянию сходу ошибку в сознании, стараясь мыслить шире и собирать больше информации по данной теме. Но первое, на чем я точно заострил внимание, это компьютерные игры. Я люблю их с детства. На первых двухмерных проектах больше преобладал геймплейный интерес, но с появлением открытых миров, да еще и в онлайне, в корень дало иное представление обо всем. А если приписать варианты с загрузкой текстур именно в момент присутствия наблюдателя, то сразу вспоминается двухщелевой эксперимент. Если коротко, то фотоны тоже себя ведут адекватно при наблюдении. Возможно, если в лесу никого нет, там просто пустота и данный биом будет прорисован лишь тогда, когда туда забредет очередной грибник или шашлычник.

Компьютер, как и остальные его комплектующие это сборник таблицы Менделеева. Процессор делают из кремния, по сути песка и так далее. Ресурсы нашего мира генерируют другие миры. Яйцо, курица, спор, который возможно и бессмысленный, если в будущем человек на квантовом компьютере создаст мир, ничем не уступающий нашему. Компилятор, самогенерирующийся код. Его используют в играх, в веб-разработках и нейросетях. На этих компиляторах может разрастаться наша вселенная, коды генерируют вариативность кодов.

По сути, весь костяк книги родился из простых дебатов на шашлыках с моим другом. Мы часто высказывали теории на-

счет вселенной, как голографической модели. Кометы равно летательные аппараты, а библия пособие человеку, оставленное высшим разумом, чтобы путешествие на космическом корабле Земля слыло не в один конец. Онейронавтика, виртуальные частицы, теория одного фотона. Почему в вере свет так же важен, как и в науке? Почему золото, необходимое для космических путешествий собирается людьми еще с наставлений бога Ра? Много чего перемолото и этот запал интеллектуальных бесед, основанных на существующих теориях, но уже до раскрученных нашим мнением в лесу у костра, подарили мне силы написать Раскрутку компилятора.

Я решил пофантазировать, что будет если человечество дальше станет развивать нейронки, перетекающие с уклоном в более глубокий ИИ, плюс добыча редкого гелия в космосе для эффективного охлаждения квантовых процессоров. К чему это все может привести и описано в моем рассказе.

Если вдруг Вы набираете не тот код от домофона или пытаетесь выйти не на своей станции, не можете найти какую-то вещь, а потом она волшебным образом прогружается там, где Вы уже смотрели, не нужно все списывать на случай. Попробуйте представить, Вы как частица дрейфуете в нескольких состояниях. И вполне возможно, что в ином мире другой Вы его так же помните. Именно об этом книга Раскрутка компилятора.

Многие диалоги в тексте покажутся душными, а некоторые события примитивными, но хочу достучаться до приня-

тия самой сути. Большинство взаимодействий происходит с ИИ, из-за этого диалоги затянутые. Программы хоть и способны проявлять эмоции, но это не отменяет того, что они программы. Я попытался соединить в них человеческую и машинную сути, поэтому многие ИИ напоминают душных ученых с затянутым повествованием, но именно такими я их представил в голове. Холодным языком они могут доносить до главного героя формулы квантовой механики, а через абзац уже кричать от боли, сочувствував людским потерям, утратам и даже помочь чем-то по собственной воле.

Не затронуть системы верований я тоже не мог. Во всех историях витает идея, её доносят многие ученые, особенно касательно религии. Те, кто верят лишь в факты, не понимают, что «вера» поэтому и называется верой в религии. Если бы бог имел доказанный статус, самого понятия веры не существовало бы в религиозном смысле. Отметать наличие высшей силы, учитывая то, как все логично устроено и считать, что все случайность, есть абсурд. Служители науки об этом говорят и будут говорить. Все можно разложить по цифрам, даже музыку. Многие разделяют творчество и математику приписывая первому что-то духовное и необъятное, а второй каменность и грубый расчет. Я же считаю их единым целым и творчества без математики не существует, как и наоборот. Раскрутка компилятора показывает, что не нужно воспринимать игры как нечто искусственное. Может рождение нашего мира и началось с цикла, где существуют

одномерные и многомерные пространства. Мы сами на компьютерах ведем этот цикл, как и появляются яйца с курицами.

Если Вы сейчас сидите за компьютером, попиваете любимый напиток и любуетесь закатом солнца в какой-либо игре, то все персонажи внутри этого виртуального мира делают тоже самое. Если они для Вас просто файлы в папке, я бы представил, что мы все можем оказаться на их месте, только уже в папках на квантовом компьютере у человека из четырехмерного измерения.

И увидел я иное знамение на небе, великое и чудное: семь Ангелов, имеющих семь последних язв, которыми оканчивалась ярость божия. И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его, и число имени его стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии...

Откровения святого Иоанна Богослова

Серия 1. Иерихон в обед

Вес тяжелых костей

Кровавые глаза

Потная одежда

Новый режим

Немного земли

Чтобы понять и узнать

Каждый день вижу одну и ту же даму перед собой на эскалаторе. Теперь она на районе. Обгоняю, чтобы посмотреть кто такая, в итоге вижу оживший манекен.

Там не оказалось лица в прямом смысле слова. Пустота. Рот слился с кожей, отсутствовали глаза с носом. Рябили полосы на лице, накладывались друг на друга. Назвать эту женщину человеком язык не повернулся, и оно направило голову в мою сторону. Могу поклясться, существо смотрело на меня, даже без органов зрения. Оно что-то пыталось сказать, но вместо слов доносился писк. Испугавшись, я рванул в сторону дома и все вспомнил в подробностях.

* * *

— Мочи Деревню, Таун! Давай!

Детские крики шестиклассников смешивались в единый неразборчивый шум для ворочающихся на земле школьников.

— Мм... Ай... А!

Вопли мальчишки не тормозили щелчки от ударов. Боль, пронизывающая кучерявую русую голову, нарастала. Затем плач, но слезы все равно не остановили обидчика. Скулы окутало пламенем от ссадин с синяками, звенел сильно череп. Парнишка, лежа на спине не давал отпор. Он физиче-

ски не слаб, но жил внутри страх совершить первый удар по лицу новоиспеченного ненавистника. Максимум толкнуть с боязнью, что реакцией станут кулаки в ответ. Другой белобрысый, коротко стриженный сверстник слыл из тех, перешагнувших грань пинков, подножек и оскорблений. Школьник сходу влетал с удара по лицу, притом мог и с ноги зарядить в голову. Такого считали крутым, сильным, плюс витающий трепет плодил компанию задир, ошивающихся рядом. Некоторые из них напоминали поднятый парус за белобрысым капитаном, стоявшим на корме у руля. Дети, заискивая да поддакивая, рассчитывали не вставать на место униженного и побитого. В принципе это работало, таких он не трогал.

Песок с металлическим привкусом из-за крови хрустел во рту. Искусанные губы горели от впивающихся в них собственных зубов при ударе по челюсти. Ранее он очень хотел дружить с Тауном, но данной возможности не дали в зародыше. Тяжело вспомнить, что являлось отправной точкой. Мальчишка единственный в классе жил за городом, и сверстники прилепили прозвище «Деревня». Школьник ненавидел место своего проживания, мечтал о жизни в центре с остальной ребятнёй, но не сложилось. Ребенок не знал родителей, в то время как у других отцы и матери вкалывали, имея в мегаполисе больше ресурсов, снимали или покупали квартиры. Он жил в затхлом деревенском доме с родственником на пенсии, старшим братом отца. Дядя не слыл плохим челове-

ком, заботился о племяннике, но организовать переезд в город поближе к цивилизации не по карману. Кличка «Деревня» настолько срослась с мальчиком, что тот во всех бедах винил нынешний дом. Проблемы в школе по мнению пацана связаны с местом проживания, в то время как у Тауна совсем другая история.

На уроке английского ученик не мог прочитать строчку из диалога двух путешественников: «My favourite town is London». Белобрысый завис на слове town в предложении. Из детских уст вылетали разные фразы, все кроме верных. Тоун, товн, тон и далее в таком духе, пока он не запнулся, окончательно исчерпав свои варианты. Возможно, пацан догадался бы как правильно, но встал в ступор от неловкого нарастающего стыда перед классом. Таун всегда приходил без домашки, не прилагал усилий там, где стоило запускать извилины. На уроках мычал и запинался, разве, что на физре выкладывался.

— Правильно «таун»!!! — заверещала учительница, потерявшая терпение.

— Даун? — специально переспросил парнишка, дабы морально подняться в глазах окружения.

— Да это ты даун, а верное слово «таун»!!!

Детский смех прокатился по аудитории. Момент стал знаменательным в истории школы, подарив парнишке прозвище. Для Деревни он считался не просто Тауном, а действительно тем самым, олицетворяющим город. Белобрысый па-

дан жил в центре, постоянно рассказывая всем вокруг, как играл с ребятами в сотки на ступеньках подъезда. На заброшке пилил железные трубки, позже отрезая пальцы у перчаток для них. Деревня всегда слушал Тауна с завистью, а тот заметив его, натягивал кусок резины и выстреливал жгуцей рябиной. Болело знатно, аж до слез.

Кучерявому хотелось жить в городе невзирая на белобрысого с обидчиками. В школе ученик пересекался со сверстниками, но стал им чужим. Пока другие гуляли после занятий, пацан торопился домой, чтобы успеть до темноты. В деревне жило мало детей, он их редко встречал. Одни лишь работяги со стариками. Ребенок, проваливаясь в одиночество, только и делал, что слушал музыку, смотрел телевизор, залпом читал книги. Паренек любил покупать журналы с пустыми окошками для наклеек, продававшимися отдельно. Он жертвовал карманной мелочью на еду ради стикеров с героями из мультфильмов, собирал все страницы и мечтал похвастаться перед остальными. Часто Деревня представлял знаменательный момент, но затем возвращался в реальность, зная, что произойдет, покажи он свои сокровища городским. Таун задирали постоянно, а остальные подхватывали. Стая одноклассников набрасывалась. Неутолимый детский голод, жаждающий издевательств, злобы и боли других. Жалость если просачивалась через школьную жестокость, то сразу подавлялась где-то на глубине, чтобы не оказаться на месте униженного, хлюпающего от слез ребенка. Вывод один, если

Деревня принесет что-то в школу, это испортят или заберут.

Кучерявый закрывал лицо, пытаясь защититься от кулаков сидящего на нем Тауна. Твердые костяшки все равно проходили через блок. В мелькающую щель между рук, Деревня заметил на небе что-то странное, даже кого-то. Среди густого сгустка серых облаков на фоне солнечной бреши летел человек. Мальчишка мог поклясться, что видел фигуру в плаще, парящую в воздухе. Школьник позднее списал всё на стресс и помутнение из-за ударов по голове, вследствие чего разыгралось воображение. Деревня думал об увиденном, когда все закончилось. Парнишка долго лежал один на земле, рядом с тропинкой через лес у городской окраины. Все уже давно ушли, но ему не хотелось вставать. Дело вовсе не в побоях и усталости. Мальчику придётся вернуться домой, в рассадник одиночества.

* * *

Её баклажанный оттенок волос, такой родной, знакомый. Он думает о нем, возвращаясь с работы. Вставляет ключ в замочную скважину, проходит сразу на кухню, не через коридор, а странным мгновенным скачком. Одни прыгающие отрывки с действиями. Девушка в бюстгальтере и шортиках стоит возле плиты, жарит для него сочные тресковые котлеты. Шикарная, миниатюрная и манящая фигурка с татуировками, напоминающими вырванные буквы и символы клавиатуры, разбросанные по всему телу. На спине заметен слэш, чуть ближе к правому плечу протокол [http:](http://) и другие, невпо-

пад. Возлюбленная закидывает щепотку специй в скворчащую сковородку, поворачивается, поправляет баклажанную челку. Она улыбается. Лицо нечеткое, но мозг знает, что это та самая.

Затем картинка резко пропадает, кучерявый парень с девушкой гуляют в парке с белым бультерьером, по «золотой дороге». Такое название она придумывает из-за ярких желтых фонарей, освещающих одну аллею ярче остальных. Потом спускаются вниз на шашлык к друзьям, туда дальше к оврагу. Активная смена окружения, влюбленные теперь возле телика, лопают черешню. Все так, словно кто-то переключает каналы в сознании. А еще он с Тауном не разлей вода, вместе выбирают диски для компьютера, обсуждают фильмы и науку. Белобрысый другой, всегда помогает ему и...

Он просыпался понимая, что никаких баклажанных волос в личной жизни нет. Такая девушка существовала в реальности, просто парень с ней вместе лишь во сне. Ощущения живые хоть и ненастоящие. Он чувствовал ее прикосновения, поцелуи. Помнил еще счастливое предвкушение перед предстоящими шашлыками с друзьями. Когда попадал туда, смутно удавалось разглядеть тех людей, но он точно знал их. Такое лишь в грезах, тусовок и приятелей тоже не существовало. Воспоминания в сочетании с переживаниями оставались после сна, обрушивались комом. Состояние такого рода раздражало еще больше, чем то, что у него в реальности отсутствовали друзья и девушка.

* * *

Город всегда голоден. Кучерявый думал так со школьного возраста и ждал. Одноклассники часто издевались даже без Тауна. Они преследовали его через рощу до самого поселка, где тот жил. Но длилось всё не долго, провинция подкрадывалась. Деревня теперь убегал от ненавистников по асфальтовой дороге, а не тропе между улицами. Позже уничтожили рощу с тарзанками, малиновыми кустами и сливами. Мегаполис проглотил лесной массив, но обжоре все мало. Постройки разрастались, съедая деревенские дома. Люди вместо деревьев и полей наблюдали соседние окна монолитных гигантов. Так стало со всеми.

Парень закрывал глаза, слушал. Симфонии сигнализаций, криков жителей и моторов. Мелодии колес машин, метлы дворника, расчесывающей пыль по асфальту, ударов заполненных пакетов об дно мусорного бака. Он втягивал воздух носом. Город состоял из огромной паутины запахов. Нотки бетона, железа с песком, иногда бензина с гарью. Начавшаяся весна, лишь усиливала эффект. Единственное, что осталось еще от прошлого, скошенная трава летом. Кучерявый терпеть не мог аромат зелени. Ему сполна хватило его в деревне. Когда со стороны бывшего леса подполз город, словно гигантский змей, он ликовал и терпеливо ждал. Тот пришел в ненавистную обитель, но поздно, так как школьные годы уже пролетели, начались трудовые будни. Но лучше позже, чем никогда, он все равно радовался, ведь ненавидел свой дом.

Поселок ушел под снос и местным дали квартиры, жаль дядя не дожил до счастливого момента. Все воспоминания канули в пропасть с этим местом. Деревня смешался с толпой, растворился в желудке города—зверя. Бетонный троглодит не заметил, сильнее толстел, сметая на своем пути остатки природы. Все животные уходили еще дальше, в страхе перед панельным кракеном, чьи высоковольтные щупальца утопили небеса.

Прежде чем выйти из дома, нужно предаться странной программе или обряду. Вернуться, поцеловаться в зеркале три раза, если забыл телефон на столе и вышел из квартиры. Гаджет должен лежать на диване, но не оказывался там. Носишься по всем комнатам в поисках без особых успехов. Вернулся к дивану, а смартфон там. Чудеса... Словно он прогнулся в наш мир, а до этого прибывал в другом измерении. Обязательно застегнуть браслет смарт часов на четыре деления, включить любимую песню, иначе день станет не продуктивным или даже провальным по всем фронтам. Именно с такими тараканами приходилось уживаться в голове кучерявому. Кредиты, работа, дома телик, работа, кредиты... Замкнутый круг, закрутивший молодого парня. Когда атмосфера города приедалась, приходило время отвлекаться при помощи беспроводных наушников.

«Смотри, как наши слова

Превращаются в пыль,

Когда мы забываем,

Когда мы идем дальше»

Текст любимейшей песни путешествовал в перепонках, разбавлял рутину по дороге домой. Сегодня суббота и проводилось собрание касательно нового проекта жилого комплекса, сварганенного в Автокаде. Пришлось задержаться в офисе. Обычно данное мероприятие надолго, но нынешним днем прошло оперативнее. Всех отпустили еще до темноты. Остатки заходящего солнца гуляли по зеркальным фасадам мегаполиса. Кучерявый вышел из метро и пройдя вперед по улице, поднимался по эскалатору на станцию МЦД, обозревая сквозь стеклянную стену заход светила на фоне города. Монолитные постройки выросли в два острова, объединенных огромным мостом, где бегали автомобили. Через одну ступеньку над ним стояла дама. Парень уверен, что опять та самая, хотя никогда не видел лица. Каждый день на эскалаторе разглядывал заднюю часть ее серой шубы, перетянутой черным ремнем. Все не решался пройти и посмотреть, как та выглядела спереди. Он представлял, будто догонял ее и поворачивал за плечо, а вместо лица что-то страшное и необъяснимое. Когда возвращался с работы в разное время, постоянно натыкался на эту шубу и именно на эскалаторе. Позже та всегда терялась из виду, уходила вперед по платформе, растворяясь в пространстве.

Сев в понравившийся вагон, кучерявый вытащил бананы из ушей, разместился в секторе абсолютно пустых мест. Человек страдавший одиночеством в детстве, не против сего-

дня доехать до дома без соседей, не отвлекаясь ни на что. Достав из рюкзака книжку, он открыл её, но глаза так и не уткнулись в страницы. Щелканье со смехом у мест ближе к дверям поезда привлекло внимание. Две женщины кололи грецкие орехи об поручни и хохотали. Ничего такого, но парень анализировал действия особ, крутя в руках металлическую заплатку в виде пера. Его мозг подавал сигнал, что ситуация не нова, чувство дежавю нарастало все сильнее. Затем взгляд привлекла наклейка с рекламой витаминов, и он вспомнил про сумму, необходимую для оплаты.

Шестнадцать семьсот, именно столько понадобится. Налог на автомобиль и подарок начальнику. Весенние расходы. Он не любил ездить на машине из-за вечных пробок и забытых парковок, так же, как и не переваривал шефа. Тачка обслуживалась, но простаивала. Накопил на нее, но особо не ездил. Руководитель чаще выносил ему мозги, а кучерявый все равно скидывал деньги каждый год на его именины, хотя это сугубо по желанию. Парень абсолютно уверен, что не в первые так же сидел перед рекламой витаминов и размышлял о сумме шестнадцать семьсот. Странные ощущения, как повторяющийся сон. Вначале уверенность, что он транслировался мозгом впервые, но потом менялось мнение, будто данный сюжет грез уже просматривался.

Взгляд перешел на дергающийся проход между вагонами, напоминающий пресловутый танец поезда. Там появились две маленькие девчушки сходу ставшие лабать на огромных

для них гитарах знакомую слуху песню...

«Квазар... больше не бьется внутри меня...

Яркий маяк теперь не броня ... ведь вырвусь вновь... в последний путь...»

Кучерявый дальше бы наслаждался ангельским унисоном двух милых голосочков, но хрип из динамиков с объявлением следующей станции заставил всерьез переживать и вырваться из музыкальной гармонии. Парень четко помнил остановку после предыдущей, она носила другое название. Отбросив книжку, открыл схему с картой, убедился в обратном и успокоил себя тем, что просто запутался. Словно ничего странного не произошло, убрал смартфон и принялся за чтение, похоронив внутри минувшие события. Когда оставалось немного до места назначения, пришлось ускорить процесс впитывания информации со страниц. Ему хотелось закончить на конце главы.

Поезд, шикнув, остановился. Парень, запихнув закладку с пером в книгу, засунул ее в рюкзак, а затем выпрыгнул из вагона. Оставалось выбрать, идти пешком до дома или доехать на маршрутке. Из-за дождливой погоды нравился больше второй вариант, плюс транспорт уже ждал возле остановки. Свободного места не нашлось. Наушники вкрутились обратно в уши и держась за поручень, кучерявый покачиваясь остался наедине с мыслями под музыкальное сопровождение. Он снова провалился в фантазии. На это раз перематывал картинку, как маршрутка врезалась в грузовик, его рва-

нуло вперед головой об боковое стекло, сломалась шея и все залило кровью. Кучерявый часто спрашивал себя, он один такой? Или другие тоже любят представлять несуществующие события?

Десять минут пути, и он на районе. Необходимо заскочить в ближайший мини Маркет, покупать то, без чего можно обойтись. Создать столбик огромных расходов в заметках для оправдания перед самим собой за потраченный месяц на работе не впустую. Хорошо бы откладывать деньги, но нет. Необходим другой вариант и сегодня это предлог похода в магазин, причем выкатить надо огромную тележку.

Ноги перешли на автопилот, руки сами хватали товар, пока кучерявый прокручивал последние сны. В них часто транслировались идентичные моменты. Одноклассники там дружили, уважали и поддерживали. Такой бред. В реальности они издевались над ним и дубасили, а в грезах пожимали руку, улыбались. Даже Таун похлопывал по плечу.

«*Шашлыки, ха-ха...*» — смеялся внутри собственного черепа парень.

В девушку с баклажанными волосами он влюбился, как только она зашла в класс. Очень красивая и без татуировок. Кучерявый не понимал, зачем в каждом сне у нее рисунки с клавишами на коже, ведь на самом деле их нет. Он иногда видел ее в реальности, поэтому точно уверен. После окончания школы девушка выбрала Тауна вместо него. Неудивительно... Сильный, крепкий и напористый. Хулиган нравил-

ся всем представителям женского пола. Деревне оставалось лишь мечтать о ней и страдать. Ведь после пылких объятий с бывшей одноклассницей во сне, просыпаться так мучительно.

Время интересная штука. Единицы измерения по строгому алгоритму, но воспринимались людьми по-разному. У одних секунды тянулись часом, а для других этот же час пролетал за несколько минут. Состояния человека могут сильно менять восприятие времени, будь то размышления или действия. Словно ускоряли течение либо наоборот замедляли при заикливании на чем-то или в ожидании. Для парня минуты в магазине пролетели за мгновение. Он не заметил, как телега доверху набилась продуктами.

Понабрав все то, что залетит внутрь гудящего холодильника, кучерявый встал в огромную очередь. Длина такого скопления без точных расчетов определялась как бесконечная. Ожидание не скрасила даже музыка. Функционировала одна касса, но это обычное явление в субботу. Он и сам ба-трачил сегодня. Работники магазина тоже люди, хотят отдыхать в выходные, так он себя успокаивал до определенного момента.

Богатенький субъект, сосед по подъезду, встал в конце медленно двигающегося потока. Сразу появился второй работник магазина, превратившийся в кассира и позвал к себе этого человека, ведь тот не привык пережёвывать длительное ожидание. Он проглатывал его и уходил с улыбкой,

оставляя всегда всю сдачу кассиру. Частенько прилипали хорошенькие суммы. Ровная половинка очереди, червяк, разделенный штыковой лопатой, отделилась и поползла за богатеньким персонажем. Проблема парня в наушниках осталась той же. Он превратился в полноправное звено конца первой половинки, не успев среагировать. Лопата резанула, будто по нему, время теперь приняло другой эффект и замедлилось. Деваться некуда, но, когда соседний червяк полз активнее, а его перестал из-за разборок на кассе, связанных с неверным ценником, что-то сломалось внутри кучерявого.

Утро и так не задалось. Баклажанные волосы, их в реальности нельзя ощутить кончиками пальцев, плюс масло в огонь из несуществующих друзей. Дяди больше нет, а он ранее немного разбавлял тишину. На работе коллеги с ним не ладили, да и кучерявый не делал первые шаги сам в этом направлении. В строительной компании на должности архитектора стажера создавал проекты многоэтажных домов. Их либо утверждали, либо нет. Большинство коллег он уделывал по чертежам и наброскам, но начальство все относилось к нему, как к неоперившемуся сорванцу. Одиночество съедало, и лишь город принимал форму смягчающий пилюли. Мегполис помогал ему расти. Останься он в старом доме, то, скорее всего, наложил бы на себя руки, поэтому рад сносу деревни.

Касса зависла окончательно и пришло понимание с нотками негатива, что нужно становиться во второй поток. Ярость

пеленой окутывала сознание. Проводка внутри стен, словно пульсирующие вены на руках. Стяжка с напольной плиткой, фасад, гипсокартон с железом. Деревня все ощущал. Объяснить трудно, но ведь ребенок, делая первые шаги ножками, не нуждался в книжных заметках и просто бежал вперед. Парень осознавал, что здание частица его организма. Объекты теперь кости и мышцы. Раньше чертил их на бумаге, а сейчас мог взаимодействовать со всем окружением.

«Сыграй в мои трюки

Неокрепший ум

Отдых для твое» ... — тонкие пальцы вытащили затычки из ушных раковин, прервав композицию. Гарнитура закрылась в гробике футляре, в такой момент не до песен.

Резким движением руки он вскрыл потолок мини Маркета, как консервную банку открывалкой. Шлейф из пикселей и воздуха рванул внутрь помещения. Обе кассы улетели в небо. Из напольных плиток сделал себе лестницу силой мысли, по ней поднимался медленно и уверенно. Из проводки с мелкими осколками стекла соткал плащ лишь взглядом. Все так просто, будто двигал пальцами. Сначала рябили полоски, как в сломанном телевизоре у всего окружения, но потом собиралось в привычный вид. Парень с кучерявой головой в сером свитере и клетчатых обшарпанных кедах. На узких плечах развивался тот самый плащ из разбитой витрины и черного кабеля. Вокруг фигуры крутились куски мусора, бывшие неотъемлемые части сооружения. Здание затрещало

и должно рухнуть.

Людей охватила паника. Крики, топот и прочий шум, но бежать некуда. Они перейдут в его собственность. Мегаполис стал прожорливее. Деревне не хотелось вникать в безумие происходящего. Он понял, что все изменит. Теперь парень архитектор сущего. Ему больше не нужен ноутбук, одобрение начальства на утверждение проектов. Появятся новые создания, начнется другая эра и хочется придумать название свежему городу. Кучерявый в плаще посмотрел на небо и через несколько секунд определился.

* * *

Он не помнил, как оказался заперт в крошечной темноте, но странно, что чувствовал тепло и сияние повсюду. Белобрысый парень не мог объяснить, как получалось замечать яркие частицы света в полном черном замкнутом пространстве, просто знал и видел, что они есть. Так тесно, не перевернуться даже на бок, а уж встать вообще можно не пытаться. Нащупав кнопочный телефон в кармане спортивных штанов, человек осветил окружение встроенной функцией фонарика.

«Огромные стебли с распустившимися цветками. Откуда?»

Гул сначала в затылочной доле, затем в остальных частях сознания. Резко прервались мысли от пронизывающей головной боли, будто лупили не самим молотком, а звоном от него по всем полушариям мерзким дзиньканьем. Похо-

же сильно тряхануло. Он вышел из тюрьмы пару дней назад. Перспектива оказаться в замкнутом пространстве, не то, чего ждут от свободы отбывшие срок заключенные. Последнее, что помнил, череда хлопков в районе магазина, куда направлялся. У здания снесло крышу, все трубы из канализации выдернуло на поверхность. Белобрысого отбросило взрывной волной, а дальше он открыл глаза уже здесь, в странном коконе.

«Что это за место? Приятное тепло». — вел пальцами по сросшимся корням бывший заключенный.

Он понимал, что сплетенные растения его рук дело. Человек ощущал их всеми органами чувств.

«Убежище из живых корней... Ну... И как выйти отсюда?»

Слов, усилий и ритуала не нужно. Растения часть его сознания. Достаточно лишь распутать их, но не собственными руками. Стебли слушались не хуже конечностей. Защитный кокон раскрылся, человек выбрался наружу.

Приехав в родной город, белобрысый думал лишь о своей девушке. Он не знал, ждала ли она его. Если нет, ему все равно хотелось увидеть ее и извиниться. Бывший заключенный первым делом поставил себе такую цель, но похоже достигнуть ее будет непросто. Дом, где они жили изменился. Пеньки от панельных зданий, словно их снес гигантский топор великана лесоруба. Вспышки, крики и треск пожарищ. Расщелины, разрывающие землю под ногами. Город разру-

шен. Подкрадывалось слово «война», но, то, что парень увидел дальше, объяснить уже сложнее и первое предположение вымыло из рассуждений.

Огромная тварь, пролетела над человеком и взревела. Туловище из опор для линии электропередач. Морда—кузов камаза. Пропеллеры и двигатели шумели под крыльями, сотканых из огромных баннеров с различной рекламой. Белобрысый успел разглядеть на скорости лишь одну с фильмом про загонщика из дублина. За странным драконом тянулся шлейф из городского мусора, иногда отваливающегося от летящей туши. Некоторые запчасти, наоборот, притягивались. Помимо монстра, высоко на небе строился огромный город, собирающийся из кусочков разрушенных домов.

Белобрысый натянул посильнее капюшон своей выцветшей спортивной кофты. Когда-то краска одежды имела глубокий черный оттенок, но в тюремной камере хранения шмотье обрело гамму из нечто среднего между серым, коричневым и оригинальным цветами. Зашелестел дождь, заменивший пепельные пылинки. Он побежал по части раздробленного городского мусора, обходя ямы. К парню пришла идея, что происходящее неслучайно. Корни растений защитили его, и сила проявилась в момент, когда все началось.

«Нужно идти».

Человек, разглядывая очаги пожарищ ускорился, перепрыгивая разломы. Он направлялся в ту сторону, куда уле-

тел дракон, пока не уперся в отряд странных существ. Руки и ноги из асфальта с бетоном. Лица перетянуты арматурами, образуя железные шлемы и маски. Чудовища ринулись в сторону парня, но тот выставил руки вперед. Белобрысый знал, что нужно делать. За его спиной поднялась огромная волна, распространяющая яркий свет. Золотое цунами хлынуло в сторону монстров.

«Они страдают. Сделали такими против воли! Я разделяю их боль».

Вода растворила материю из городских останков, впившись в тела несчастных. Белобрысый вернул им былую сущность.

— Спасибо!

— Боже!

— Наш спаситель!

Люди окружили человека в черной кофте, не веря в долгожданную свободу. Он не стал задерживаться и слова благодарности слышались позади. Необходимо бежать дальше. На пути встречались еще чудовища из обломков кабин с колесами машин. Монстры нападали первыми, другие просто бродили по руинам в муках. Спаситель всем возвращал прежний облик. Он знал, что создания сами не управляли телами. Кусочки города служили просто клеткой для людей, куда их поместили.

— Помогите! Пожалуйста... Кто-нибудь?! — донесся очень тихий детский голосок и отчаяния в нем бурлило мно-

го. Белобрысый понял это, невзирая на слабую громкость. Так же человек ощущал, что ребенок не один.

Маленькая девочка звала на помощь. Если раньше он прошел бы мимо, то сейчас остановился. Они находились под обломками. Человек быстро раскопал их. Рядом с девчонкой еще оказался щенок. Животное не имело признаков жизни, но малышка все равно обнимала домашнего любимца в надежде, что тот очнется. Парень чувствовал привязанность этих двоих еще под завалом.

— Спасите его!

«У самой ноги перебиты, а боится за собаку. Надо попробовать. Ну, ка!»

Он закатал рукава выцветшей кофты. Мощные стебли вырвались из земли, когда парень наклонился над ребенком. Удивленное лицо девчонки целиком покрылось пылью от завала, кроме ровных дорожек от слез. Яркие карие глаза с искрой надежды уставились на необычного человека. Белобрысый не двигался, просто смотрел. Одни растения медленно закрутились вокруг перебитых ног ребенка, а другие обвили целиком ее питомца.

«Яркий свет в волне. Фотоны плывут, рвутся к ним».

На стеблях появились цветы, как тогда в коконе и они потихоньку распутывались. Ребенок стоял на ногах, а собака пару раз чихнула, затем залаяла.

«Нужно идти дальше».

Человек несся на всех парах туда, где ревел дракон. Чу-

довище кружило возле города в небесах. Девочка, плача от радости, смотрела спасителю в след, прижав к себе щенка на руках. Собака оперативно облизывала ребенка, освобождая лицо от серой пыли городских завалов.

* * *

— Меня не интересует твой кредит! Скоро никому не нужны будут эти деньги. Вы все станете частью моего Иерихона, подождите немного! — парень закончил разговор и убрал смартфон в карман.

Кучерявый сидел на обломках под парящим городом в небесах, терпеливо ждал пока достроиться его Иерихон. На спине развивался плащ из стекла и проводов. Хотелось расслабиться и достать наушники из футляра, чтобы окунуться в эйфорию песен, поразмышлять над будущим миром, но кто-то приближался.

«Так это он испортил их».

Чужак совсем рядом, в воздухе стал витать аромат той самой скошенной травы, как в детстве. Кучерявый терпеть не мог этот запах, но еще не все. Ноздри втягивали нотки моря вперемешку с горными источниками, затем луга, сады с цветами. Благовоние самой жизни рядом. Если до этого всё ощущалось слабо вдалеке, то сейчас просто разило. Но беспокоили кучерявого не новые ароматы, а явная угроза небесному городу.

— Ты сломал моих големов?

Человек в черной кофте остановился и пристально рассматривал говорившего парня в странном плаще.

— Деревня...

Таун сверлил взглядом одноклассника, но без осуждения и презрения, как раньше. В глазах белобрысого читалась вина с примесью печали. Чего нельзя сказать об кучерявом, улыбающимся во весь рот. Деревня громко рассмеялся и захолопал. Дальше затишье. Вместо аплодисментов слышно мелкие осколки, падающие от строящегося небесного города. Оба не удивились, словно знали о будущей встрече. Такая банальность, приход антагониста, а затем появление спасителя, как по сценарию. Два парня чувствовали, но все равно понимали, что другого варианта нет и нужно прийти к нынешней отправной точке. Кто дергал за ниточки неизвестно, да и мало их волновало на данном этапе.

— Не лезь в мои дела! — первым нарушил молчание кучерявый, — И я больше не Деревня! Давно там не живу, как видишь. Город добрался. Тебе нравится, кстати, мой Иерихон?

Таун поднял вверх голову, сделав козырек из ладони правой руки, чтобы пыль не попала в глаза. Парень в плаще встав ногами на дорожный указатель, подлетел ближе к собеседнику, словно на парящей метле.

— По документам считается первым городом, построенным людьми Урук или Эриду, в нем тогда обитали шумеры. Иерихон хоть и не имел никаких вещественных доказа-

тельств с датами, все равно намного древнее. — вещал Деревня, пока кружил вокруг Тауна на знаке обгон запрещен, — По раскопкам, возраст домов наидревнейший. Первый город... С него началось пожирание планеты.

— Наш дом! Ты чего натворил?! Зачем сравнивал все с землей?!

— Когда ты с ребятами в школе издевался надо мной, оставалось тока ждать, что город придет. Провел столько в этой треклятой Деревне! — кричал кучерявый и его слюна вылетела изо рта на подбородок, — Все жили в квартирах, а я как изгой, находился большую часть времени в затхлом доме. Постоянно таскать ведра с водой, расчищать зимой снег. Запах зелени, крики петухов по утрам. Ненавижу! Город дает все, что нужно человеку. Я ждал, когда он придет, а он не появлялся! — закончил Деревня и вытер рукавом лицо.

Рожа кучерявого стала злобной, в мимику вселилась сама тьма. Таун снял капюшон и подошел очень близко к парню в плаще, парящему на воздушном знаке. Они смотрели друг на друга.

— Ты же понимаешь, что это просто повод. Мне нечем гордиться. Дело не в городе или деревне. Ты не давал отпор как некоторые, поэтому тебя проще остальных доставать, — звучал белобрысый искренне с грустными нотками, не отводя взгляд, — Я виноват! Издевался над добрыми людьми, слабых избивал. Другие боялись меня и поддакивали. После школы, закончившую со скрипом, связался с дурной компа-

нией, стал воровать. А она надеялась, что изменюсь, но нет. Такой путь привел в тюрьму и разрушил мне жизнь, но в отличие от тех, кому навредил, я заслужил. И ты прости, за все!

— Когда выкидывали мой портфель из окна школы на улицу, калечили толпой, я понимал, что нужен город и...

— Даже если бы ты не жил в деревне, ничего не изменилось. Я плохой, мерзкий тип. Ломал людям судьбу, жаль, что понял это, когда всё потерял и угодил за решетку. На зоне осознал, каждая жизнь часть огромного мирового пазла.

— Не пудри мне мозги! Я видел, как могло быть иначе, в своем сне! — гримаса у Деревни стала еще злее. — Мы вместе с тобой живем в городе, дружим. Покупаем компьютерные игры в магазине и пили пиво потом. Я часто забывал диски на лавке и возвращался за ними, когда ты напоминал.

— Один заключенный поведал, как из-за его преступлений пострадал важный человек. У этого сокамерника позже заболела дочка. Операцию нужно сделать срочно на месте, а опытного врача не нашлось. Знаешь почему? Доктор лежал сам в реанимации и не мог помочь, из-за того, что его сильно избил во время ограбления отец девочки. Он потерял ребенка. Каждый человек важен! Судьбы связаны. Раньше я этого не понимал... Жизнь бесценна! — Таун выдохнул, а затем продолжил на более высоких тонах, — Но, ты! Ты же не такой! Не мучай их! Отпусти! Верни наш дом! Всегда ведь слыл добрым пацаном! Издевайся лучше надо мной, если хочешь. Что тебе сделали остальные?

— Черное, белое! Хороший, плохой! Город пришел слишком поздно. Какая теперь разница? Мне плевать. Их тела преобразились. Големы станут новым витком в эволюции, первые дети. Свежеиспеченные создания, как будущий Иерихон. Он выбрал меня. Я ждал столько лет и наконец!

— Не превращайся в такого же монстра как я!

Парень в плаще улыбнулся, щелкнул пальцами. Из небесного города на огромной скорости что-то вылетело прямоком в их сторону. Со временем стали вырисовываться четкие очертания вырванного лифта, ни к чему не подключенного. Кабина аккуратно приземлилась, двери не до конца приоткрылись. Таун догадался, что Деревня мог не только создавать объекты или соединять живых существ с обломками города, но и управлять ими как вздумается.

— Выпусти меня! — вылетело из кабины.

Голос девушки с баклажанными волосами, такой же как из снов. Странно, что он совпадал с реальным для Деревни. Кучерявый не слышал его с детства.

— Не стал превращать в голема. Влюблен в неё еще со школы, но взор упал на крутого Тауна. Думаю, скоро не останется вариантов, со временем все-таки меня выберет. Больше некого будет. Ну, в любом случае, хочу, чтобы ты сдох у нее на глазах. Спаситель ты наш.

Таун еле сдерживал гнев, но понимал, что пока рано предпринимать меры. Человек в плаще поднялся выше, выставив руки вперед. Двери лифта закрылись, кабина улетела обрат-

но на небесный Иерихон с той же скоростью.

— От моих домашних любимцев и бродячих животных пользы хоть отбавляй. Сейчас познакомишься с городскими шакалами.

Сотни огромных собак стали повыскакивали из обломков панельного дома, заполняя пространство около Тауна. Их тела состояли из стекла, железа и бетона. Пасти как у маленьких экскаваторов. Одна такая тварь прогрызет все на своем пути. Звери ринулись на человека в черной выцветшей толстовке. Тело белобрысого обвилось плотно корнями, на которых распустились гигантские бутоны. Яркий свет озарил окружение, в руках появился огромный молот из воды.

— Иерихон ничто не остановит, даже твои фокусы!

— Ошибаешься. Цунами, лавины и землетрясения стирали города. На каждое действие есть противодействие, помнишь слова нашего физика?

Таун стукнул по земле волновым молотом. Громкий шлепок разорвал воздух. Всех шакалов смывало, а их городские оболочки трескались, освобождая животных из иерихонских оков. Те, скулили, мяукали, разбегаясь во все стороны. После еще нескольких ударов, шакалов не осталось.

— Тогда дело за городскими титанами! – разозлился парень в плаще и позвал дракона, миновавшего Иерихон. Тварь развернулась в сторону Тауна.

Помимо летящего чудища, ползла телефонная вышка с красным глазом фонарем, похожая на червя. Приближались

автомобили ежи с торчащими из кабин арматурами. Тело спасителя в ответ на атаку, обрело форму горы. Из вершины, покрытой растительностью выросла гигантская рука, сжавшая копьё, где свет наконечника вспыхнул, ослепив Деревню со всеми монстрами. Пасть из кабины грузовика у дракона открылась, оголив раскаленные печи. Таун, даже не сомневался, что тварь способна извергать пламя, поэтому приготовился швырять копьё. Внутри у подножия разгонялся вихрь.

«Использую воду ещё для защиты».

Поток ветра с хлопком вытолкнул оружие из разжатой кисти, рассекая пространство. Выстрел настолько мощный, что казалось будто его метнул великан. Громыкнуло как от множества зенитных пушек. Огромный куб из воды образовался у основания горы Тауна, поглотив атаки чудовищ. Спасителю удалось отбить огненную лавину дракона.

Картинка остановилась...

Все должно решится на этом моменте, но... Пропали запахи, многие звуки и ощущения. Раздавался лишь непрерывный треск ломающейся болванки. Можно наблюдать, будто в фоторежиме какой-нибудь компьютерной игры, словно кликнули паузу. Все в этом мире не могли говорить и пошевелиться. В небесах появилась проекция гигантской руки, крутившей Иерихон туда-сюда.

— Что? Сходил на обед? Ошибка в симуляции, а я предупреждал! Нельзя оставлять биомы без присмотра, — хриплые слова казались совсем негромкими, хоть и производи-

лись из здорового рта, появившегося в атмосфере.

— Сейчас, перезапущу обмен. Отсутствовал всего-то часик, — второй голос детский, словно принадлежал ребенку.

— Издеваешься? В данной точке время со сдвигом. Твой часик для них несколько месяцев, дубина!

— Ну, прости, запущу программу!

— Каскад семерки недавно обновляли, не факт, что баги исправятся, а остальное полностью восстановиться. Много очень ошибок.

— Да-а... Проверим!

— Он почти достроил ту огромную хреновину, пока ты набивал брюхо. И город не единственная проблема. Таких сбоев давно не видели. Хорошо, что я заметил, но это твоя работа! Если в доме Шикардов узнают про косяк...

— Не каркай! Надеемся на семерку.

Таун с Деревней слышали весь диалог и наблюдали за страшными сущностями, но сделать ничего не могли. Огромные пальцы задергались в атмосфере. Звук по клавишам проносился эхом через всю планету. Каждый слышал его, даже глухой. В небе появились семь фигур. Кучерявый вспомнил тот момент, наблюдая один из таких силуэтов. Значит ему не показалось тогда. Удары по голове здесь ни при чем. Сердце стал сдавливать страх и необратимый ужас беспомощности. Треск ломающейся болванки усиливался, нарастало помутнение. Дальнейшие ощущения словно тянули тело сразу во все стороны. Никто не понимал, что

происходило...

* * *

— Пакет?

Вопрос кассира выдернул из мысленного забвения.

— Да, пожалуйста, большой один.

«Странное ощущение, словно я что-то пропустил. Когда это моя очередь подоспела?»

Кучерявый забыл, о чем думал пока, ждал и обрадовался скоростному режиму времени, пролетевшим незаметно. Руки сложили всё в пакет, ноги зашагали к выходу. На улице, кучерявый вдохнул любимую городскую паутину запахов. Он перешел на зебре дорогу, и внимание привлекли две крепко обнимающиеся фигуры возле светофора.

«Таун из тюрьмы собственной персоной, а она... встретила его. Вот же ж...»

Кучерявый поник, пальцы выронили пакет. В голове на огромной скорости пронеслись образы. Иерихон, дракон, големы, битва с человеком в черной толстовке, семеро неизвестных в плащах. Его затрясло, пока выпавший йогурт в бутылке из пакета катился по дороге. Он привлек внимание Тауна с девушкой. Они узнали Деревню и что-то почувствовали. Белобрысый вспомнил, как снесло взрывной волной именно отсюда.

После странного наваждения или приступа, все трое еще несколько секунд сверлили друг друга взглядами. Первым зашевелился Деревня, решив молча скрыться с глаз. Он до-

стал из футляра наушники, вкрутил их в уши. Подняв пакет с земли, кучерявый направился домой, наслаждаясь текстом из полюбившейся песни:

«Не будь таким серьезным

Смотри как твои слова

Превращаются в пыль

Как мы забываем

Как мы идем дальше»

Ноги опять на автоматизме несли туловище Деревни до подъезда. Всё должно закончиться, как обычно. Рука совершит привычные действия: наберет код на панели, домофон запищит, потом вдавится кнопка лифта, ключ поцарапает замок входной двери квартиры, но нет.

«Это же она».

Впереди та дама в шубе. Обычно на эскалаторе, но теперь здесь, на районе. Шанс упускать нельзя, нужно обогнать и посмотреть на неё. Кучерявому пришлось перейти на бег, ведь объект двигался быстро. В какой-то момент казалось, что та, шагая все равно удалялась, но Деревня смог выйти вперед и заглянуть в лицо даме.

К ужасу, парня, того, чего он ожидал увидеть, там не оказалось в прямом смысле слова. Пустота. Рот слился с кожей, отсутствовали глаза с носом. Рябили полоски на лице и накладывались друг на друга. Назвать эту женщину человеком язык не повернулся, и оно направило голову в его сторону. Кучерявый мог поклясться, существо смотрит за ним, даже

без органов зрения. Оно что-то пыталось сказать, но вместо слов доносился писк. Испугавшись, Деревня рванул в сторону дома. Он все вспомнил в подробностях.

На небе снова они. Семеро. Одного из них заметил еще в детстве, во время драки с Тауном. Фигуры, напоминающие человеческие спускались не спеша, толпа собралась в ожидании. Теперь их видели все. Кто-то снимал на телефон, другие молча наблюдали. Чем ближе сущности в плащах, тем казалось медленнее, идет время. Хотя может так и происходило. Пролетающая птица зарябила в воздухе, как помехи на сломанном телевизоре. Всё вокруг искажения, переходящие в кашу из смеси ландшафта и пикселей. Некоторые люди и объекты исчезали, а другие дергались, да так неестественно, словно застряли в текстурах компьютерной игры. Вот только происходило это на глазах у кучерявого.

Его подъезд полностью слился с фасадом здания. Попасть внутрь нельзя и он решил бежать туда, где окружение еще имело привычный вид. К золотой дороге в парк. Стоять на месте страшнее. С миром что-то происходило. Пока кучерявый несся по желтой аллее, впитавшей в себя массу из деревьев и людей, к нему приблизился один из семерых. Деревня снова вспомнил школьные годы. Он так же убегал тогда от Тауна и когда тот избивал его, парящая фигура наблюдала с неба.

Как бы не старался скрыться от преследователя, двигаться некуда. Всё слилось в однородную разноцветную массу

из отрезков. Запыхавшись, по ним он уже просто шел. Ноги проваливались в полосы, но ощущения земли под кедами еще оставались. Паника охватила все тело, страх сдавил грудь так, что сердце готово выпрыгнуть.

Один из семерки парил перед ним и ничего не оставалось, как смириться со всем происходящим в ожидании. Лицо скрывал капюшон, а тело плащ. Раздался странный шум, напоминающий пение сверчков... Хотя нет. Деревня вспомнил передачу, где объясняли разницу звуковых гамм между такими насекомыми. Это цикады. Они гораздо громче и именно сейчас его перепошки прочувствовали стрекот, оживший давно похороненные воспоминания.

Кучерявый заметил приближение еще одного из них. Девушка с баклажанными волосами. Она скинула с себя плащ и на соблазнительном нагом женском теле можно узреть те самые татуировки из сна. Рисунки клавиш клавиатуры на куполообразной упругой груди зашевелились и поменялись на правильные. Голая девушка приближалась, на каждом сантиметре шелковистой кожи собирались новые символы, а через секунду растворялись, давая место другим буквам.

Деревня не сопротивлялся и окаменел, как только она обняла его. Девушка засунула язык ему в рот с той же страстью, что во снах. Вроде миловалась с Тауном, а теперь резко с ним. Странные мысли лезли в кучерявую голову, но прекращать сосаться ему не хотелось. Парень еще крепче прижал ее к себе. Поцелуй перешел в фазу затяжного. Оба не дума-

ли останавливаться. В такой момент уже стало наплевать на происходящее, парень полностью отдался любимой.

Первой решила закончить девушка, отстранившись со слезами на глазах. Она отошла от кучерявого. Опять нарастающий стрекот. Тело Деревни окутали насекомые, роем обрушившееся из плаща одного из семерых. Парень чувствовал, что его сущность стирали. Без боли. Цикады ползали по уже растворенному лицу. Человек в панике пытался нащупать руками черты, но тщетно. Пустота пришла внутрь головы. С каждой секундой он терял себя и становился бесформенной оболочкой. Поздно кричать, да и нечем. Возможно, смерть намного лучше, вместо такого странного конца всему. Именно эта последняя мысль промелькнула в оставшихся текстурах Деревни.

Некто втянул обратно цикад внутрь плаща, посмотрел на других, стиравших мир, а затем на то, что осталось от Деревни. Тот больше походил на безликую тварь, как дама в шубе. Валялся, перебирая руками и ногами.

— Он найдет меня, в нужный момент... — стрекот слился со словами одного из семерки. Фигура в плаще направилась в эпицентр новых появляющихся текстур, оставив парня.

Девушка с баклажанными волосами громко рыдала, рассматривая корчащуюся фигуру, но ей пришлось вскоре уйти, откликнувшись на зов Каскада.

Интерлюдия. Хватка

Темное небо. Огромное бесконечное низинное болото. Существо гуманоидной формы без лица, похож на манекен мужского телосложения, бредет по болоту. Одежды нет, лишь плетеный браслет на правом запястье.

Проходят дни, года, эпохи.

Существо все так же идет через болото, но вскоре появляется незнакомец в одежде из рогоза, лицо скрывает капюшон из листьев. Походка у незнакомца с чрезмерным сгибанием колен.

«Кто я? Откуда?»

Вопросы у манекена в голове без ответов. Пока зовет себя «Я».

«Где? Зачем?»

Знает, что находится здесь, но не видит, не слышит. Сплошная темнота. Ничего не чувствует, есть лишь сопротивление. Не может быстрее.

«А куда иду?»

Надо двигаться. Неважно. Ходит так бесконечно. В прошлом и будущем, несколько жизней проводит в данном ритме. Понимание всего придёт.

«Главное не останавливайся!»

Длительный путь прерывает крепкая хватка. Она выдерживает, тащит за собой. Это незнакомец схватил существо за руку и ведет куда-то. Наконец ступает на твердое и земля под ногами. Все так же не видит и не слышит. Будет называть незнакомца и дальше Хваткой. У всего существует опреде-

ление, так проще. Хватка тянет долго за собой, пока не приходит тепло. Наконец отпускает.

Незнакомец приводит манекен к костру.

«Жар?»

Существо протягивает руку и ощущает боль.

«Горячо!»

Огонь... Значит, имеются чувства, пусть и не все. Манекен помнит, как слезятся глаза от костра, но сейчас это невозможно. Зрачков нет. Трогает то, что должно слыть лицом. Кончики пальцев шелестят по голове. Ни волос, ни ушей, вообще ничего. Только форма. Поэтому не слышит, не говорит и не видит. Знает, что все правильно. Так необходимо.

«Но зачем?»

Нет усталости, лишь моральная рана от гнетущей пустоты. Но есть огонь, нравится исходящая от него теплота. Радует боли в руке от ожога. Это стоит того, чтобы вспомнить костер. Чувствует, путь продолжиться, как, и задумано, но не в данный момент. Пока ждет. Приходит хватка, снова тянет за руку, а затем передает что-то.

Незнакомец из мешочка на поясе достает деревянные буквы. Существо сжимает палец, ведет им по выпуклым отверстиям и линиям полученного предмета. Незнакомец вручает еще много таких же.

Манекен составляет вместе с хваткой слова. Понимает их.
«Семеро придут. Появятся, когда нужно начать заново».

Подключаются другие четыре пальца, время ускоряется. Слепота отступает, буквы преобразуются в картинку. В темном небе появляются шесть фигур в плащах. Низинное болото поднимается вверх к небесам. Костер с незнакомцем пестрят полосками как на сломанном телике, затем распадаются на пиксели и через несколько секунд снова собираются.

Манекен неестественно скрючивается, швыряет на землю. Существо лежит в позе эмбриона. Его тело распадается на пиксели. Снова слышит, чувствует. Проносится лай собак. Запах стоялой воды.

Серия 2. Идол резчика

«Я могу вырезать статуэтки Будды хоть целую вечность —

— пламя ненависти не утихнет...»

(с) Секидэжо

Секиро

Летнее солнце прикрепилось к чистому небу, свет дотронулся до болот вокруг деревни Камышей ранним утром. Сияние съело дома, сделанные из стеблей, металлолома и строительного мусора старой канувшей эпохи. Колоски с метелок плавали на торфяном покрове, словно маленькие лодочки. Огромные ягоды кричали всем своим видом, что созрели и готовы упасть в корзины сборщиков, которые тут как

тут в своих шляпах-брылях. Лучи дотянулись так же до массивных клеток, болтающихся на возведенных столбах в северной части болот. Напротив самодельных тюрем над водой, прямо на берегу, торчали колья из земли со следами застывшей крови. На небе застыли они. Семеро неизвестных, пришедших в этот мир.

* * *

— Я всегда рядом, помни... — женский голос успокаивает. Что-то в нем знакомое. Вокруг пустота, четко различимы пышные губы, а лицо трудно разглядеть, как в портретном режиме, но размывается не только фон, но и черты. Он все равно помнит ее красоту и безупречность. Баклажанные волосы, шикарное тело и страсть. Таких же чувств никогда ни к кому испытывать не сможет. Весь абсолют меркнет перед ней. Хочется остаться в этой пустоте навсегда вместе. Рисунки на ее теле стали лучше различимы. Отдаленно доносится гавканье. Девушка говорит другим, не своим голосом странную фразу:

— Раньше люди ездили на автобусах в огромные магазины...

* * *

— Раньше люди ездили на автобусах в огромные магазины. Тогда не приходилось охотиться и собирать ягоды. Всего хватало в достатке больше, чем необходимо, — донесся нежный женский голос. Девушка рассказывала их дочери о прошлом.

И не слова любимой жены разбудили его. Проснулся Кенр от лая собак с улицы. Привычные стены из камыша, укрепленные листами металла со сколотым кирпичом, вернули в реальность. Ему снился странный сон, в нем исчезло лицо, но это не самое важное и лишь отправная точка. Затем пришла она... Желанная девушка с баклажанными волосами и вернулись зрение со слухом. Стало стыдно перед своей женой, ведь та в нескольких шагах от него. Кенр покраснел и попытался выкинуть из головы образ женского тела со странными татуировками. Ноздри втянули запах болота, просочившийся через открытое окно. Между ног торчал огромный стояк из-за сна, зависшего в памяти и не собиравшегося пока смываться в далекие уголки мозга. Дочь с женой не должны увидеть это позорище.

Не привлекая внимания, Кенр прошмыгнул к двери на задний двор. У дома имелось два выхода, к туалету напротив огромного болота и на деревенскую основную дорогу, разрезавшую Камыши пополам. Закрывшись в сколоченном из старых досок сортире, он отлил, а затем принялся за дело. Мастурбуя, Кенр пытался мысленно выкинуть образ девушки из сна, часто натягивая картинку своей жены в сознании. И это плохо работало... Он сфантазировал как прерванный сон завершается минетом от той, что пришла из грез. Девушка с баклажанными волосами всплывала перед глазами. Заглушить возбуждение невозможно и не хотелось. Думая о жене внутри своих вымышленных озабоченных за-

рисовок, в лучшем случае та в его нынешней фантазии становилась третьей участницей в утехах с татуированной девицей.

Завершив наконец процесс само ублажения на ноте с придуманной оргией, Кенр избавившись от стояка вернулся в дом. Парень не подавал виду, что несколько минут назад страдал от ночного перевозбуждения. Дело не в его жене, у них в сексуальном плане все нормально, но девушка из сновидений регулярно навещала Кенра и ничего с этим нельзя сделать. Иногда во время соития со своей второй половинкой, выскакивал образ идеального манящего тела с татуировками. Рассказывать о личных грезах парень супруге не собирался. Испортить отношения из-за несуществующей бабы в сказочных мечтах, такое себе.

Кенр одел рубаху и рваные штаны из рогожки, пристальней прислушался к разговору жены с дочкой, почесывая рукой спутанную кучерявую бороду. Вытягивал её пальцами, рассматривая русые скрученные волоски. Сладкие голоса любимых девчонок и скрип пола под их ногами он готов слушать вечно. Светловолосая Анана рассказывала их чаду Майле о старом мире.

— Мамоська, а пот симу мы не ходим больфе в магазини?

Дитя с золотыми кудряшками, говорить толком не научилась, а ей уже интересно. Яблоко от яблони, в общем. Жена не хотела загружать ребенка и не сказала, что произошло с потомками. Да и зачем знать о былом Майле в таком воз-

расте?

Кенр после всего услышанного провалился в свои мысли о прошлом. По старым архивам и кусочкам истории имелись записи. В атмосфере появились сущности, похожие на людей. Их тела зависли над землей высоко, как луна или солнце. Семеро в плащах. В тот день мир погрузился в хаос. Большая часть живых существ исчезла. Города, страны и цивилизации стерло. Лишь призрачный след остался от них. Многие считали, что нагрязнул конец света с ангелами апокалипсиса из древней книги, но Кенр не разделял теорию. Больше склонялся к собственной версии, где пришествие семерых — перезапуск, чтобы планета отдохнула от паразитов людей. Тогда судя по отрывкам данных, земля страдала от напора цивилизации, истощающей ресурсы. Нужен новый цикл.

Странно, что в то время люди верили в богов. Они достигли высот в медицине, строительстве и науке. Такое и не снилось нынешнему обществу. Почему находили книги в руинах о различных религиях? Всевышних не выдумали? Кенр отчаялся искать ответы. Теорий мозг созидал немало. Высший разум, контролирующий всё вокруг, среди них? Может быть... Достаточно обратить взор на небо, где семеро. А уж боги с ангелами они или нет, кучерявый не знал.

— Майла, детка. Люди сейчас живут иначе. Нужно находиться в гармонии с природой. Магазины и прочие вещи вредили планете. Семеро разозлись тогда и убрали всё плохое, беды позади, — поцеловала Анана их кудряшку в губы, пе-

рассказав историю на детский лад, словно отрывок из несуществующей книги «апокалипсис для детей».

Человечество привыкло к фигурам на небе. Парили себе там, расставив руки. Они не спускались на землю. Кучерявый устал ломать голову над данной загадкой, не дававшей покоя, но со временем смирился. Если Майла пойдет по стопам отца, то терзания насчет смысла жизни или смерти, серых и прочих тайн мироздания ждали так же её.

Кенр любил читать про изобретения той эпохи, но сам родился уже в новом мире. Человечество утратило нажитые знания. Телефоны, интернет, радио и электричество канули. Кто-то считал, что не существовало такого, всё байки. Может, большинство не верили в богов и ангелов, но отметить развивающийся научный прогресс абсурдно. Кенр лично находил такие вещи в руинах, правда, в основном бесполезный мусор в нынешнем поколении. Притаскивал компьютеры, мониторы и камеры, но ничего из этого не функционировало, а лишь забивало семейный погреб. То, что хорошо сохранилось из находок, все равно мертво. Нужно очень многое сделать для оживления вещей древних и когда-нибудь он сможет реализовать их.

Самый интересный след ушедшей эпохи оставлял огромный призрак на двух островах, мелькающий на горизонте. Бродя по разрушенной станции МЦД, Кенр смотрел через ржавые пустые рамки на мегаполис, рябивший вдалеке. Огромные здания то появлялись со странными помехами,

то исчезали в пространстве. Нутро подсказывало, что он видел этот город, но забыл когда. Те, кто подходил близко к таинственному месту, не возвращались, поэтому в Камышах считали данную зону под запретом. Призрачный муравейник притягивал, но Кенр знал, там все ответы и хотел попасть внутрь, но вспоминал о дочке с женой. Если бы не они, то риск ради знаний имел бы смысл. Единственное, что осталось целым на станции, так это плакат под развалинами с рекламой витаминов. Кенр не мог пройти к нему, чтобы сорвать из-за завала, но рассматривая на расстоянии, ощущал что-то знакомое, словно уже видел такое.

Новая эпоха вообще не интересна, фиксируется недалёковидным и остановившимся в развитии поколением деревень на «бумаге» из камыша. В такие моменты стыдно за нынешних людей. Старые страницы затхлых книжек с руин и то качественнее чем в деревне. Но никто не парился. Не хотели развиваться и восстанавливать утраченное. Считали, что такие действия снова приведут к гибели всех, но большинству просто наплевать. Никому до сего нет дела, кроме Кенра. От этого тоскливо на душе. Чувствовал бы он себя порой одиноким, если бы не две главные светловолосые женщины в жизни, вытаскивающие его из рутины грустной обыденности. По старым записям деревни, после хаоса наступил новый рассвет. Восставшие из тьмы и пустоты, избранные семерыми, вышли на поверхность. Лучшие из людей без пороков и злых умыслов, образовались в группы единомыш-

ленников, со временем создали поселения. В одном из таких мест жил Кенр, в Камышах. Люди здесь всё делали по наставлению резчика с нынешним вельможей. Кучерявый сам уважал их, но многие взгляды не разделял.

Анана щекотала Майлу, а собаки во дворе не умолкали.

«Нужно проверить, что там за шум».

Кенр резко вскочил с кровати, сделанной из камыша, оставив за собой глухой звук качнувшихся стеблей.

— Куда пошел? Пирожки с клюквой поешь.

Он вдруг вспомнил, про найденные с руин рецепты. Так хотелось реализовать именно их. Камышовая мука успела осточертеть, но естественно обижать жену не стоило.

— Опаздываю к резчику, любовь моя. Сегодня важный день, ты же знаешь, — кучерявый улыбнулся, подмигнув дочери.

— Да возьми с собой! Перекусишь, — расчесывая прядь золотых волос, стояла на своём Анана.

Он мигом поцеловал дочку с женой и запихнув весь пирожок в пасть, выбежал на улицу. Вспомнив про свой счастливый браслет, Кенр вернулся в дом, ловя взгляды девчонок.

— Опять что-то забыл?

Кенр не отвечая жене, подбежал к тумбочке и не обнаружив необходимой вещи, дальше шнырял по дому.

— На тумбочке смотрел?

— Конечно! — кучерявый снова бросил взгляд на первое место поисков.

Плетеный браслет появился, но ведь изначально не лежал там. Как он проглядел? Недолго думая, Кенр схватил обручье с тумбочки и нацепил на запястье, просунув защелку в четвертое деление. Именно так нужно одеть его, иначе денек весь насмарку. Хоть и слыл человеком науки, но всегда программировал себя на определенные действия, чтобы грядущие дела прошли удачно. Вера в приметы тут не при чем, больше зависимость, что-то вроде курения. Мозгу тяжело если он выбирал не привычные места на общих собраниях или же шел не конкретным маршрутом до ярмарки. С этими странностями приходилось мириться. Помахав рукой семье, чмокнулся три раза в зеркало, а потом дернул входную дверь, напевая под нос мелодию, услышанную из механической шкатулки, найденной на развалинах.

«Тронь... тронь тронь... тронь... тронь... т-р-о-о-о-н-ь...»

Щелканья песни внутри головы изо рта вылетали в виде «пам пампам пам папа пап-а-а-м, пам пампам пара папа-а-а-м. Он повторял мотив непрерывно.

Имя «Кенр» подарил отец, пропавший без вести. Его лицо он плохо помнил, зато остальные все подробно описывали. В Камышах папа на хорошем счету. Говорили, тоже питал страсть копаться в руинах былой цивилизации, но в отличие от сына, не спорил со старшими. Хотя ему думалось, так они специально сказали и касательно прозвища тоже сомнительно. Скорее всего, настоятельно порекомендовали Кенром на-

звать сына. А в Камышах настоятельные просьбы вельможи изящно перетекали к безоговорочному их исполнению без права на споры, а уж тем более отказы. Скорее всего, папу тоже все бесило и приходилось мириться с этим. Ведь, яблоко от яблони. Любил кучерявый данное выражение, вычитанное из найденных книг с руин.

Раньше имена давали совершенно другие. Кенру они нравились. Сейчас же выбор усложнили, придумывая уникальные неудобные прозвища, где язык сломаешь. Из страха перед семерыми, пытались оборвать все связи с той эпохой. Хотелось дочери подарить женское имя Мария. Прочитал из энциклопедии, что прозвище — значит «любимая», «желанная». Именно таким ребенком являлась девочка. Само слово из старой эпохи, еще до прихода семерых, поэтому жена категорически ушла в отказ. Да и вельможа прочитал нотацию. Имена новорожденных необходимо обсуждать заранее с лидером деревни. После такого возникала жажда кардинально скорректировать правила в Камышах. Ведь люди не дальновидные здесь. Большинство даже читать не умели. Кенра отец научил и мировоззрение его тогда, изменилось навсегда. Словно очнулся от тупости с беспамятством. Подрастет Майла, он тоже займется ее образованием.

Оказавшись во дворе, Кенр обернулся на скрип двери своего одноэтажного дома и понял, что пора смазать петли. Постройки деревни сделаны из мусора, привезенного с руин. Смешно слушать о страшной науке древних, приводящей к

гибели. Имена старых людей до семерых под запретом. Только вот куски шифера, профнастила, кирпичей и многое другое использовать жители не брезговали. Хотя не мне их судить. Они даже не понимали, что весь строительный мусор из того времени. В остальном же использовали камыш. Двадцать сантиметров плотно укрепленных стеблей растения защищали не чуть ни хуже кирпича, а при обильном отоплении печки внутри, отлично удерживали тепло и спасали от холода.

Кенр втянул носом воздух, выйдя со двора к дороге. На улице сразу стала ясна причина поднятого шума. Вот почему собаки непрерывно лаяли. Тощего парня с именем Тихар, избивал один из кандидатов на пост нового вельможи. Вокруг бегали дворовые псы, но кроме гавканья ничего больше не предпринимали.

— Если ты, отсталый урод, ещё хоть раз замахнёшься на собаку и будешь так коситься на всех! Убью! — кричал мускулистый Мечил, лупя по физиономии, визжащего в агонии парня.

Рядом сборище зевак вместо того, чтобы помешать потасовке, лишь смеялись и наслаждались зрелищем. Проглотив остаток пирожка, он, недолго думая рванул в эпицентр происшествия, загородив собой Тихара.

— Не лезь, всезнайка! Тоже хочешь получить? — возмутился здоровяк, схватив за воротник серой рубахи вставшего на защиту Кенра, чьи волосы хорошенько трянуло от рывка.

— Тронешь хоть пальцем такого же претендента в вельможи, тебя снимут с голосования! — бросил кучерявый в лицо драчуну.

Кенр с огромным воином замерли. Обоих рассматривали в лидеры Камышей. Насчет драк не выдумка. Потасовки между кандидатами нарушали местный закон. Сражаться с Мечилом затея такая же безнадежная, как обычному жителю убеждать всю деревню возродить технологии прошлой эпохи. Здоровый черноволосый амбал, ему равных не найдется. Громила не носил верхней одежды, хвастался своими мышцами перед девками. Кенру только и оставалось припугнуть сегодняшними выборами. Предыдущие разговоры, что Тихар калека и не может биться на равных, лишь смешили Мечила. Упрекать его за избиение слабых смысла не имело. Он и сильнейших дубасил.

Амбал плюнул в разбитое лицо Тихара, а затем удалился со всей остальной шайкой. Один из дурной компании, напоследок пожелал Кенру удачи на выборах, злостно хихикая.

— Дружище, ты в порядке? — поднял защитник аккуратно калеку с земли.

Парнишка инвалид напоминал цаплю, чрезмерно согнутые ноги не толще рук, похожие на стебли. Кучерявый отрянул его и повел медленно к дому. На пути встречались борщики грибов и ягод с наполненными корзинами. Они возвращались с болот, приветственно кивая кандидату в вельможи, но при этом ускоряли шаг, чтобы не находиться дол-

ше чем нужно в обществе большого парнишки цапли. Жил Тихар на чердаке своей тетки, терпевшей его из-за данного обещания покойной сестре. Родился нормальным, но затем в возрасте четырех лет стал путаться и плохо ходить. Лицо Тихара перекосило, и он странно смотрел на всех. Мальчик цапля часто выкрикивал слова не по делу, брызжа слюной. У жителей он вызвал разные эмоции, в основном негативные. Деревенские собаки обходили инвалида стороной, не давая нормально пройти бедолаге, скалили зубы, частенько могли и цапнуть с трудом стоящего на ногах парнишку. Он научился их отгонять палкой, за это и получил от Мечила, считавшего, что пользы от псов, больше, чем от Тихара. Долгий шум поднял многих на уши, ведь началась потасовка ещё с разборки калеки и собак, а уже в дальнейшем вмешались эти мерзавцы, прибежавшие раньше Кенра на лай с криками.

— Портянки! Работаем! Идем! Ваза! Еда! Тепло! — дергаясь и заплевывая себе весь подбородок кровавыми слюнями, с большим трудом произнес Тихар.

Ему пришлось сильно напрячься, выдавливая все фразы.

— И тебе привет! Молодец! Выкрикиваешь нужные первые буквы еще быстрее, чтобы составить слово, как я и учил. Говорил, что получится! Скоро будешь песни петь, — хлопывал по плечу инвалида Кенр, — Ладно! Я к резчику, постараюсь ходить нелюдной дорогой, подальше от собак и уродов. Путь длиннее, зато безопаснее.

Тихар ранее просто кричал постоянно что-то непонятное.

Стало жаль его, и Кенр попробовал с ним одну методику из медицинского справочника с руин. Калеку не удалось вылечить, но вышло кое-что изменить. У Тихара не получалось нормально вести диалог из-за своего больного мозга. Приходилось разбирать каждое слово в голове и из них он создавал уже новые бессмысленные предложения. «Бессмысленные» здесь берется смело в кавычки, ведь первые буквы всех фраз образовывали новое и при должном внимании нужное. Своего рода зашифрованное послание. Больное сознание удерживало начальные части слов, правда, остальные оставались той же бессмыслицей, что и ранее. Они тренировались так каждый день, пока практика не возымела плоды. Диалоги слыли долгими, но продуктивными в течение дня. Остальные все равно ничего не понимали, но Тихар радовался общению даже с одним человеком. Инвалид лично говорил Кенру об этом. Как после такого верить в слова вельмож, что люди из той эпохи ничего полезного не делали?

Глядя на мальчика цаплю, всезнайка Камышей вспоминал о цветах и гайке с болтом. Красота цветка неоспорима, а гайка с болтом вряд ли вызовет такие же эмоции у человека. Но есть вариант изменить банальное виденье. Люди способны на такое. Древние умудрялись создавать невероятные фотографии с ракурсов, где обычный мусор выглядел сногшибательно, особенно после обработки на компьютере. Простой предмет смотрелся уже не так как в реальности. Вот и Тихар напоминал ему ту самую гайку с болтом. Необходимо найти

нужный ракурс и для Кенра мальчик становился не таким уж глупым и больным.

Из статьи по коэволюции, всезнайка познал взаимодействие многих видов между собой. Растение производило ядовитую защиту против гусениц, насекомое в свою очередь приобретало нечувствительность к ядам. Затем на свет появлялась бабочка, брала роль опылителя и помогала цветам размножаться. Четко прослеживается взаимосвязь, у каждого свое предназначение. Крупная популяция белых ярких мышей, а темных малозаметных поменьше. Сов больше с обычным зрением, а меньшинство с острыми глазами. На белых грызунов охотятся все виды, что привело к их сокращению, а серых становилось больше. Оставшихся серых мышек смогли ловить только сычи с острым зрением. Все сыграли свою роль, что привело к размножению лучших видов и вымиранию худших. Так же и калека должен взаимодействовать с людьми, ему нужно дать шанс, но в Камышах этого не понимали. Жители слишком абстрагированы от всего, видят строго красоту или уродство. Считают истинную науку ложной, а ложную истинной во всем. В их глазах Тихар обычная стрёмная гайка с болтом, других ракурсов они не хотят пробовать. Возможно, мальчик цапля требуется для системы, как и все остальные.

— Колосья! Ели! Ножик! Ростки! — калека, обратившись к Кенру по имени, немного завис, видимо запоминал первые буквы всех слов в голове, а затем выдал, — Сны! Повозка!

Архивы! Слизь! Иголки! Будешь! Орехи!

— Да не за что, Тихар. Не забудь обработать ссадины, ушибы.

Расставшись с беднягой, кучерявый удалился, не видя раскисшего инвалида. Единственный человек, «всё» в этом жестоком мире для Тихара, ушел. У многих богами являлись семеро, а в жизни калеки таким слыл Кенр. Кандидат в вельможи ускорился, успев ответить на приветствие двух охотников, разделяющих пойманную дичь.

Всезнайка задумался о старом мире, где люди выходили в мегаполисы и шатались в толпе, никого не знали. Суета рождалась совсем иной. В общественном транспорте или торговом центре, куча незнакомцев. В деревне полным ходом шла суматоха иного рода. Одни укрепляли дома на зиму стеблями камыша, скрученных плотно веревками вперемешку с мусором старой эпохи, остальные пасли скот и мастерили простые инструменты для работы в поле. Кто-то молился у алтаря семерых в центре деревни. Все друг друга знали в лицо, многих Кенр мог назвать по имени. Суета Камышей отличалась и надоедала. Как же ему хотелось на несколько секунд перенестись в то время. Он понимал, что до прихода семерых существовали жители из похожей деревни, но они могли спокойно уехать отсюда в любой город. Сегодня, если кандидат в вельможи захочет покинуть Камыши, то наткнется лишь на такую же деревню или бродячие группы кочевников. Варясь внутри пучины отчаянных желаний вернуться в

прошлое, Кенр не заметил, как добрался до хижины резчика.

* * *

Дерево, а потом опилки. Для Кенра два разных запаха. Первый отдавал свежестью, а второй напоминал сухость. В доме резчика всегда встречал окружение из этих ароматов носом, а потом ушами, улавливающими скрежет резца. И то не обычный звук, а «музыка», вызывающая на свет фигурки животных, людей, семерых и много чего еще. Ручная работа завораживала. Сам резчик занимал важное положение. Живых деревьев осталось очень мало и только ему разрешено использовать такой материал для своих работ.

— Расскажешь... Мхе! О своей цели, если станешь правителем? — прокашлял слова старик в вязаном дырявом коричневом плаще.

Писклявый голос бил по перепонкам, как всегда. Мастер не смотрел на парня, просто вырезал что-то из дерева.

— Резчик. Я, возможно, объединю все деревни. Хочу заботиться о людях и делать их жизнь легче при помощи своих знаний. Если стану вельможей, буду нести науку, а также верну утраченное.

— Хочешь? Возможно? Если? Ты еще сомневаешься. Мхе! Твоих научных умений явно недостаточно, а может, это вообще... Мхе! Не нужно сегодня. Начни с простого, а там будет видно. Мхе-е!

Резчик постоянно кашлял, но его рука не вздрагивала, продолжая уверенно орудовать резцом.

— По книге вышло собрать схему с лампочкой. Батарейку сделал из картофелин, остальное все нашел в руинах. Еще чуток и доберусь до более мощного источника энергии. А дальше...

— Ересь эта не к чему нам! Мхе! В эпохе нового рассвета нужны не забытые умения древних, а сила. Четко сформированная цель актуальна в такие дни. Мхе! Всезнайка...

— Прогресс, то, что нам надо резчик! Вы не понимаете?

— Если основной задачей на посту вельможи будет твоя одержимость былой научной ерундой, я не хочу... Мхе-е-е! Не хочу знать об этом. Для своих мерзких экспериментов не выходит набиваться в лидеры деревни, а уж тем более навязывать идеи древних из личных побуждений. Хотят ли этого остальные? Очень похоже на эгоизм, а настоящий правитель думает об интересах каждого не только с собственной колокольни.

— Не правда! Я многим...

— Помогаешь своим умом... Я знаю. Но не хватает твердости, непреклонности и сил. Бесхребетные правители погубят народ, даже не подозревая об этом. Пост вельможи такому человеку не подходит. Мхе. Семеро не с тобой!

— Я им все равно стану, и ты сделаешь, идол с моим лицом! — кинул взгляд, напоследок, всезнайка на незаконченную поделку в руке мастера.

— Кончишь как отец. Мхе! Он так же бредил наукой древних с руинами. Ушел в призрачный город и не вернулся.

После сказанного стариком Кенр пнул валяющуюся дровяшку на полу, но от своих приоритетов отказываться не собирался и удалился из хижины. Резчик посмотрел ему вслед, горько вздохнул, качая головой и издал свое громкое:

— Мхе!

Помещение наполнила нависшая тишина. Нарушал спокойствие лишь периодически повторяющийся скрежет по дереву с кашлем.

* * *

Около огромного костра на главной площади собралась вся деревня, возле обители правителей Камышей. Самодельные дома из обломков городов ушедшей эпохи оставили на собак и котов. Старейшины с нынешним вельможей сидели за огромным столом в центре круга, ожидая, когда вперед выйдут трое кандидатов. До церемонии избранные должны испить крепкого отвара, как требовали традиции. Со стула поднялся один из старейшин в черной мантии, вещал предвыборную речь. Такую одежду носили все, входившие в управление деревни. Только у вельможи она с нашивками камышей на рукавах. Сегодняшнему правителю пришло время передавать борозды, молча наблюдая за происходящим.

— Мечил. Сила... Мощь... Многих врагов одолел он. Защищает нас от нападений других деревень. Отлично показал себя во время командования отрядами, — эхом пронеслись слова старейшины по всей площади, и он ткнул рукой на следующего претендента, — Кенр. Несет мир с добром,

заботиться о каждом жителе. Всезнайка Камышей, изобретатель, — рука переместилась левее, — Рыжая Агния. Огонь следопыта пылает внутри этой женщины. Его можно узреть лишь посмотрев на ее волосы цвета языков пламени. Лучший охотник. Обеспечивает дичью деревню. С ней мы не ведаем голода. Все достойны! Выбор трудный, но его нужно сделать каждому жителю! Во имя семерых!

Зашумели барабаны. Ветер усилился, будто и сам хотел поучаствовать в церемонии. Сейчас должно произойти историческое событие. Внутри обители хранились записи, отражающие имена всех вельмож, а сегодня они дополняются еще одной строчкой с новым правителем. В кругу стояла большая корзина, плетенная из камыша, а внутри деревянные монетки с первыми буквами имен кандидатов в вельможи, подготовленных резчиком. Содержимое высыпали в тару и принялись подсчитывать голоса всех жителей. Процесс проходил основательно и поделки пересчитали другие старейшины и сам вельможа, передававший пост новому правителю. Так же подключили смотрящих, чтобы не производились махинации.

— Как только наши герои выпьют свои отвары, мы готовы объявить нового лидера деревни. Прошу взять напитки и...

Старейшину прервал вбежавший на площадь тощий парень цапля. Он носился в разные стороны, пытаясь собраться с мыслями.

— Осень! Трава! Решетка! Атака! Ведро! Армия! — за-

орал во все горло Тихар, несуразно извиваясь телом и брызжа слюной.

— В кругу героев могут находиться только достойные! Он срывает церемонию! Уберите недоноска! Зря его ребенком не утопили в болоте! — яростно закричал старейшина.

Начался галдеж, многие ринулись на калеку. Инвалид указывал пальцем на напиток в руках Кенра, потом подносил ко рту воображаемую кружку и хватался за горло.

— Ярость! Достойны!

Тихара сложно понять, но прокрутив в голове первые буквы его слов, Кенра осенило. Ведь калека наглядно показал, что произойдет если всезнайка выпьет из чашки. Все-таки жесты необходимы, как не крути, иногда суть первых букв сразу не улавливается, особенно в беспокойной обстановке.

— Успокойтесь! Он хочет сказать, что в кружке отравла! Там яд. Не трогайте его!

— Ты понимаешь слова этого безумца?! — спросил вельможа, подняв от удивления брови. Первые слова правителя Камышей за всю церемонию.

— Дурной он только в ваших глазах! Но поверьте, Тихар учится, уже может общаться, пускай и таким изошренным способом.

Инвалид кивнул, продолжая показывать на кружку пальцем и кричал бессмысленные слова, но первые нужные буквы вставляли всегда. Пришлось объяснять всю подноготную собравшимся, и некоторым, у кого шестеренки мозга дела-

ли хоть, сколько оборотов, получилось вникнуть в процесс, а вельможа даже растрогался.

— Так жалко его мать. Думал парнишка пропащий, а, оказывается, случаются чудеса. Кенр! Может тебе знахарем лучше пойти, если ты умеешь исцелять такие недуги?

Кучерявый хотел ответить парой «ласковых» своему правителю, о том, что «ересь» древних помогла пропащему, но сейчас не до этого. Его чуть не убили. Необходимо разобраться в данной ситуации и старейшина, словно прочитав мысли всезнайки, обратился к Тихару:

— Знаешь, кто за этим стоит?

Все жители затаили дыхание, один высокий и крепкий мужчина с седыми волосами, из шайки Мечила, стал пятиться назад. Его звали Грэм, и именно он пожелал тогда Кенру удачи на выборах.

— Ты видел подсыпавшего в отвар яд? — подключился удивленный вельможа к разговору, до сих пор не верящий, в то, что инвалид умеет общаться, хоть и по-своему.

Калека кивнул, и, шатаясь, приблизился вплотную к побелевшему от ужаса Грэму. Виновный попытался накинуться на Тихара, но его успели схватить рядом стоявшие.

— Я хотел лишь лучшего правителя для деревни! Все знают, кто больше подходит нам! — верещал разоблаченный преступник.

Грэм знал заранее, какая кружка достанется Кенру и вылил туда отраву. Тихар собирал мусор в этом же помещении.

Виновный тогда не придал значение и не мог представить, как калека, даже если и поймет, что он сделал, сможет донести. Все равно никто не воспринимал инвалида. Так решил для себя Грэм в ту секунду, что и обернулось роковым моментом. Какое же разочарование на физиономиях образовалось у всей компании Мечила и вызвало улыбку на лице всезнайки.

— Виновному придется выпить отвар Кенра, таковы правила в Камышах. Если там яд, в независимости от причастности претендента Мечила к этому, я сниму его кандидатуру. Ты тогда подставишь товарища! — подметил один из старейшин.

— Я выпью сам этот яд, так как знал о намерениях Грэма, но не остановил его! Смою позор! — вклинился в непростую беседу крепкий Мечил.

Многие помнили, когда в битве на болотах, Грэм подставился, спасая жизнь его сына и все понимали, что здоровяк поступает, как принято у воинов Камышей.

В отличие от друга, он честен в соревнованиях и не стал бы устранять конкурентов данным методом. Хоть он и бил всех подряд в деревне, но такую слабость никогда бы не проявил. Максимум мог только покалечить, а травить или участвовать в подобном точно не станет. Он отдавал свой долг Грэму за жизнь ребенка.

— Во имя семерых! Если решил, да будет так! — хлопнув в ладоши, произнес вельможа, отряхнув ворсинки с мантии.

Мать Мечила завизжала в истерике, многие хотели так же остановить силача Камышей, но он тверд, как и в остальных своих делах. Никто не успел еще толком осознать всё происходящее, а мускулистый воин уже вырвал у Кенра кружку, грубо оттолкнув. Кандидат в вельможи ничего не говоря на прощание, выпил отвар. Через несколько секунд корчась в судорогах, Мечил принял свою судьбу. Люди кричали от горя. В семье погибшего не могли поверить в то, что произошло несколько мгновенье назад. Грэма объяли ужас с отчаянием. Он хоть и не выпил отравы, но житья теперь ему не дадут. Долго придется возвращать расположение остальных. Спас одного, погубил другого.

Именно такие моменты толкнули Кенра выдвинуться на пост. Древние никогда бы не докатились до примитивного варварства. Человеческая жизнь превыше всего, а они разменивались ею из-за каких-то принципов с обязательствами, словно та имела бирку с ценой. Но главным достигло точки кипения лицемерие с большой буквы и никак иначе. Пользовались материалами с руин для укрепления своих домов, общались на том же языке, что и предыдущее поколение, не утруждая создавать свое. Сочиняли имена, коверкая те же буквы, придуманные древними, да и то новыми назвать их язык не поворачивался. Возможно нескольким детям ушедшей эпохи доставались такие же клички. Складывали цифры на счетах и не понимали, что с этого начали люди когда-то. В деревне повторяли путь прогресса, но не хотели замечать

его отголосок. Раньше человечество считало палки с камнями, пока не появилась ручка с бумагой, а затем разностная машина Бэббиджа. Байда с шестеренками, заменившая математиков, решающих дифференциальные уравнения. Далее эволюция в калькуляторы с компьютерами. Именно такой участи для всех хотел Кенр, но в Камышах крутили пропаганду, что возвращаться к старой цивилизации не стоило. Так может реализовать новое, кроме странных имен и тупых законов? Если всезнайка станет вельможей, все изменится. Пора избавляться от нынешнего положения. Кенр жаждет победы, судьба дарит шанс.

— По подсчитанным голосам, новым вельможей должен был стать Мечил, но ввиду последних трагических событий, этой чести удостоивается Кенр. У Агнии меньше всех монет... Но не расстраивайся. Ты и так почетный герой Камышей. Уважение к тебе будет только крепнуть с каждым днем!

Вельможа дал всем понять, что выборы завершены. Остальные старейшины, резчик и уже бывший правитель поклонились ему, новому лидеру Камышей. Кенру стало не по себе, что победить удалось таким образом. Большой процент жителей не выбрали его. Хотя чему удивляться, Мечил приносил огромную пользу деревне. Мог в одиночку уложить несколько противников, защищал земли. Но сейчас он главный, так угодно семерым. Кенр посмотрел на небо, где те парили. Хотя с данными рассуждениями, скоро можно опуститься до уровня остальных. Нельзя забывать для чего хо-

тел взять роль правителя Камышей. Цель достигнута и не важно как.

Тело мертвого амбала унесли, и жители устроили праздник в честь нового предводителя. Всезнайка выпил отвар Мечила, всем сердцем благодаря Тихара. Только веселье шло недолго, так как его резко прервали часовые, объявившие о вторжении захватчиков из деревни Родников. Не успел очередной правитель надеть черное одеяние с нашивками камышей на рукавах, его сама судьба решила испытать.

— Срочно готовимся к обороне. Достопочтенный Кенр, мой вельможа! Они совершали набеги несколько месяцев назад, и мы справлялись. Правда, сейчас у них новый правитель! Молва ходит, непобедимая, целованная семерыми.

— Снова решили разграбить наши болотные консервации запасов дичи на зиму? Нужно дать отпор! — закричала Агния, ринувшись к воротам.

Кучерявому еще не доводилось командовать воинами, но он уверен... Камыши не проиграют. Судьба отвела от гибели сегодня всезнайку. Нужно защитить дом. И что еще за непобедимая? Целованная семерыми? Очередная чушь. Да это ему подарили самый крепкий поцелуй. Смерть дышала Кенру в затылок всю церемонию, но победа за ним.

Сам Кенр никогда не сражался, приносил пользу деревне другим ремеслом. Помогал жителям, делал их жизнь легче благодаря книгам древних. Все довольны, хоть и не знали, откуда он понабрался таких навыков. Учитывая отношение к

прошлому, особенно старейшин, лучше пускай останутся в неведении. Кенра прозвали всезнайкой, и большинство считало, что до многого он дошел своим умом. Спасибо руинам былой эпохи. Лишь резчик догадывался обо всем, но отмалчивался. Только наедине с ним травил нападками.

На правах вельможи Кенру не обязательно идти на передовую в самую мясорубку, но находиться рядом со своими воинами на поле битвы требовало положение. Камыши самая крупная деревня на континенте, люди здесь всегда побеждали. Новый лидер уверен, что ничего не изменится и сегодня.

Кенр забрался на мостик между двумя смотровыми башнями и устремил свой взор к воротам деревни. Огромное войско людей в необычной броне. Всезнайка видел такую в старых журналах, ее надевали хоккеисты перед игрой. Но самое странное, что во главе налетчиков та самая девушка из сна с баклажанным цветом волос.

* * *

Запах свежей древесины. Девушка с баклажанными волосами успела забыть его за столько лет и вспоминала лишь сейчас, пересекая порог хижины резчика.

— Ждал тебя! Идол готов, — старик сдул опилки и развернул деревянное изделие с вырезанным на нем портретом женщины.

— Поделка со мной? Так ты знал! Впрочем, как всегда, — всхлипнула девушка, а затем мелодично захихикала. Вибра-

ции голоса очень притягивали. Хотелось слушать ее смех.

Мастер повернулся полностью к ней и прокашлял:

— Знал еще... Мхе! Когда ты сбежала из клетки... Мхе! На болотах. Семеро приметили тебя.

— Женщин и детей знати, я засунула в те же клетки, умирать, а головы их мужей насадила на пики, чтобы те смотрели, как мучаются близкие от жажды. Когда испустят дух, спущу трупы в болота, тела там застынут и напомнят всем, что я не забыла. Тех, кто не входил в правление, добровольно сдавшихся, Родники пощадили.

— Помню, твоего мужа, осужденного за убийство, словно это происходило вчера. Его голова на пике, а тебя засунули в клетку. Мхе! Застывшая мертвая гримаса напротив твоей тюрьмы... Мхе! Если он и наблюдал после смерти за тобой, то узрел рождение силы, а не страдание жены.

— Старейшина, распускал руки, но никто не помог тогда. Меня защитил мой любимый. Убил мразь!

Девушка прокрутила события в памяти. Необходимых доказательств, что ее хотели обесчестить, не нашлось. На слово ей не поверили. Когда смотрела на безжизненное лицо своего мужа, подыхая, мечтала лишь о том, как выбраться и отомстить. Притворилась, мертвой и клетку решили спустить в болото. Удалось перерезать глотку заколкой тому зазевавшемуся бедолаге. У него при себе имелся нож, им получилось спилить деревянную решетку.

— Выжить и отомстить. Вот она цель. Ты не сомневалась

в нужный миг. Мхе! Обретенная сущность держать в страхе и узде, поставит на колени другие деревни. Только такой... Мхе! Лидер... Мхе! Сплотит всех. Они будут слушать истории о вельможе и бояться. Все предвидел я давно уже.

Резчик передал идол с лицом новому правителю двух деревень, Родников и Камышей. Именно его он вырезал, когда Кенр заходил в последний раз.

* * *

Летнее солнце осветило метелки камышей. Запах торфа витал в воздухе. После ночного сражения, наступило молчаливое утро. В небе семеро, все так же парили и напоминали о старом мире.

Девушка с баклажанными волосами со своим войском смела всех на пути. В одной руке факел, в другой меч у вельможи из Родников. Хоккейная броня хороша защищала от самодельных ножей, вил и прочего холодного оружия. Огонь с металлом плюс бездонная ярость. Такой свирепости и силы Кенр никогда еще не встречал. Но самое странное то, что она снилась кучерявому постоянно и вместо наслаждений в постели, принесла смерть. Девушка как оказалась родом из Камышей, но Кенр знал ее только из-за посещающих сознание грез. Когда та сбежала, кучерявый ребенком ковырялся во дворе. Значит судьба играла с ним. Самые сильные воины Камышей пали. И так быстро, что новый правитель не успел опомниться, как враг уже находился на пороге возле ворот. Может он и слыл самым умным в деревне, но управлять ар-

мией, а уж тем более сражаться совсем другое. Его интеллект здесь не помог.

Кенр хотел пойти наперекор семерым и вернуть все утраченное, но проиграл. Мольбы, разговоры о мире с воительницей из Родников ни к чему не привели. Она дала понять, что всю знать и тех, кто не склонится, жалеть не намерена. Да и по обычаям вельможа мог отказаться от поста только после смерти. К просьбе пощадить родных, правительница Родников осталась холодна. Жизнь сыграла злую шутку, да как громко. Жаль Мечил погиб еще до сражения, с его многолетним опытом битв, все было бы по-другому. Ведь даже жители выбрали этого гиганта в правители. Лучше бы всезнайка выпил отвар с ядом.

Самое жуткое, что у Кенра нет больше тела. Голову насадили на пику. Девушка с баклажанными волосами отрубил ее показательно на глазах у всех. Он где-то читал о мозге после смерти. Данный орган в теории продолжал жить еще некоторое время, и теперь очень расстроен, что так и есть. Всезнайке казалось, будто туловище с руками и ногами имелось, но пошевелиться не мог. А еще замкнувшаяся на моменте боль, непрерывное ощущение врезавшегося металла в шею не стихало, словно голову рубили постоянно. Но имелся момент хуже этого. Кенр находился в таком месте, где видел страдания Ананы и Майлы в клетке. Они плакали, жена молила о помощи семерых. Так же рядом насадили головы на пики предыдущего вельможи, старейшин и Агнии.

«Почему не ухожу в пустоту? Заберите меня. Ведь это ваших рук дело, семеро?»

Парящие на небесах фигуры ничего не ответили Кенру. Желание теперь одно без сомнений, чтобы скорее наступил конец.

«Они специально подняли мои веки. Не хочу наблюдать страдания дочери и жены. Закрывать глаза не получается, как и отвезти взгляд. Семеро, будьте прокляты!»

Перед головой Кенра встала странная фигура, появившаяся из воздуха. Лицо пустое, тело без очертаний. Похож на недоделанную огромную куклу или манекен. Таинственное существо протянуло руку. Пальцы вонзились в глазницы, обхватив зрачки.

«Был тобой во сне. Ты пришел из призрачного города? Вот и отлично. Кто ты? А...плевать. Вырви глаза. Забери их! Я не могу смотреть больше на их страдания. Анана, Майла... Простите меня!»

Интерлюдия. Тихар

Возвращается. Нет больше звуков и запахов, но зато теперь видит. Глаза Кенра пригодятся. Они слезятся от костра. Это неприятно, но приносит радость. Лучше, чем темнота. Сидит на мягкой подушке. Хватка оказывается фигурой в коричневом дырявом плаще, рассматривающей деревянные маленькие таблички.

«Неужели резчик?»

Оборачивается назад. Болото и пустые клетки. Резчик тянул через топь до самого берега.

«Но зачем и для чего?»

После ответов на некоторые вопросы, появляются новые. Смотрит в отражение болотной воды, на лице ничего нет, кроме серых глаз вельможи Камышей, правящего деревней меньше всех предшественников.

Резчик снимает капюшон из листьев, молча подзывает к себе рукой. Знакомое у него лицо.

«Тихар?»

Калека в коричневом плаще достает из мешка много маленьких деревянных фишек. На них вырезаны буквы. Парень цапля всё такой же. Пыхтит и косится дурным взглядом. Его руки складывают что-то на земле:

«Неназванный»

Ничего не понятно. Тихар смотрит рассеянно. Пальцем тычет на сложенное слово из деревянных фишек, а затем в сторону существа с глазами Кенра.

«Вот оно что... Неназванный! Это я!»

Инвалид хватает новые буквы. Через некоторое время собирает необходимые фразы:

«Неназванный в теле Кенра и так угодно семерым»

«Глаза получены»

«Иди к горе»

Существо осматривает скалистую местность вдалеке, а затем устремляет взор на деревню за спиной Тихара. В Камы-

шах тишина. Ворота открыты, дома оставлены. Руки неназванного тянутся к вырезанным фишкам. И они ведут диалог с Тихаром таким образом. Обоим способ очень подходит. Тот, кто не слышит и молчит, вместе с инвалидом, проносящим бред.

На вопросы о деревне, Тихар выкладывает свой ответ, одним словом:

«Семеро»

Калека для наглядности тычет пальцем в небо и Неназванный так же обращает взор на парящие фигуры. Существо без лица собирает вопрос:

«Почему»

Тихар пожимает плечами, берется за буквы и составляет уже довольно весомые предложения, заняв большой отрезок земли множеством фишек. Калека приносит еще один мешок с алфавитом. Он раскладывает буквы и становится ясно, что остаются лишь Тихар и резчик во время второго конца мира. Мудрец обучает калеку своему искусству поделок перед смертью. Способ общения через таблички приходит в голову резчику, и они вместе вырезают буквы. Но общества одного лишь калеки недостаточно, а искать оставшихся выживших на земле немощному старику с инвалидом не под силу. Мастер ненавидит семерых, вымещая всю злобу на деревянных фигурках. Они получаются страшными и чудовищными. А ведь он отрекался от всего, что связывает с древними, но все равно мир стирают. Позднее он успокаива-

ется, принимая роль пешки в большой игре. Понимает, что все ответы найдет лишь Неназванный у себя на пути.

Тихар сгребает весь свой деревянный алфавит, дав понять, что разговор окончен. Передает идол неназванному. У фигурки лицо всезнайки Камышей Кенра. Затем последний резчик указывает рукой на горы.

Существо отправляется дальше, больше помощь хватки не нужна. Благо есть глаза вельможи. Неназванный идет сквозь бывшие Камыши, вспоминает пережитое здесь. Как он находился внутри Кенра, пока тот не просит забрать глаза. Именно тогда Неназванный отделяется от отрубленной головы и забирает их. Он понимает ... Так нужно.

Отказ от всего, что связывает с землей прошлого, ничего не дает. Новые имена, отречение от науки, свои обычаи, лишь бы угодить тем в небесах. Щелк! Начинаем заново! Плевать на букашек внизу! А инвалид резчик вырезает идол своего бога. Вельмож уже нет, как и всех деревень. Тихар все равно исполняет мечту единственного близкого человека, ведь Кенр так хотел появиться на этой фигурке.

Неназванный доходит до подножия скал, еще раз смотрит новыми глазами на семерых. Их там теперь шестеро.

«Куда делся седьмой?»

Нужно найти его, тогда найдутся ответы. А ведь подняться на склон та еще проблема. Существо пытается забраться по уступам, но соскальзывает вниз. Без должного снаряжения такое вряд ли возможно. Отчаяние от безысходно-

сти уже в начале пути окутывает и четко читается в грустном взгляде Кенра. Глаза единственное, что отражает эмоции неназванного на пустом лице в данный момент.

Внезапно раздается стрекот чуть правее и зрачки уже выражают удивление, а затем понимание. Неназванный идет на знакомый шум. Сейчас не может вспомнить этот звук, и кто его издает, но знает четко, что нужно следовать за ним. Сделав несколько шагов, существо приближается к источнику шума. Насекомые с крыльями облепляют небольшой участок скалы. Неназванный вытягивает руку и букашки разлетаются в стороны, оголив спрятанное отверстие внутри горы, четко вырезанное под размер идола. Он вставляет поделку резчика в щель и замирает в ожидании. Глаза на бесформенном пустом лице наблюдают за лестницей появившейся из неоткуда. Без каких-либо тресков, прочих звуков и эффектов. Ступени просто теперь существуют на склоне и Неназванный поднимается по ним. Он долго идет вверх к вершине горы и постепенно чувствует холод. Ртом и носом вдыхает острый ледяной ветер, а затем выпускает пар. Но как такое возможно? Это начинается снова. Спине тяжело и все труднее подниматься. Слышно шум ветра. Неназванный оборачивается назад и видит гроб, привязанный к нему цепями.

«Откуда он?»

Серия 3. В тени Эгеона, прелести черной магии.

Отрицай смерть - ты отрицаешь жизнь.

(с) Джо Келли, Х. М. Кэн Нишмура
Я убиваю великанов

Человек нес гроб на вершину черной горы. Они все трещали, что этот проклятый бог не терпит людей. Но выбора нет, вернуть к жизни возлюбленную обрело единственный смысл жизни. Ванрэд слыл сильным и выносливым, но и ему приходилось делать привалы. Он развернул вертикально гроб и сел на него, чтобы тот не скатился вниз по лестнице, ведь уже удалось подняться на приличную высоту. Человек рассматривал изрезанные до мяса ладони от цепей, за них тянул огромную ношу. Ванрэд стал прокручивать все события до сего дня и думал о ней.

* * *

Простой маленький поселок, огороженный частоколом, а за ним много других таких же. Утром звон мечей, днём шум базара, вечером треск костров с запахом золы. В иных городках всё так же, как здесь. А почему он полюбил именно это место? Хороший вопрос с найденным на него ответом. Ванрэд никогда не станет радоваться мальчишкам, запускающим самодельных воздушных змеев в закатные небеса. Не придется ему восхищаться спящим котом за окном, пытаясь разбудить его, стуча пальцами по деревянной раме. И сердце не выпрыгивало, от встреч с другим человеком, если бы не девушка с двумя яркими голубыми диамантами вместо

глаз и шелковой скатертью кожей. Та самая, в отличие от меня бледного и недоверчивого, сияла от всех вышеописанных вещей, каждый день. Глядя на такое хрупкое счастливое создание, Ванрэд смог светиться вместе с девушкой, улыбаясь от того, что та обожала данные мелочи.

Луч света бил недолго. Тем самым мерзким страшным утром, её не стало. Причина смерти не ясна. Ванрэд осознал бы данные обстоятельства, если девочку просто зарезали или вышибла хворь. Её, конечно, это не вернет, но так уйти из жизни, как сделала единственная любовь. Почему смерть забрала именно её, а не разбойников из леса за частоколом? Прекрасное создание не проснулось застыв. Можно подумать, что все так говорят, когда теряют близких, но здесь немного иной случай. Без симптомов ухудшения самочувствия и предшествующих знаков, человека не стало.

Местные все как один твердили о проклятии семерых. Сам Ванрэд несильно верил в причастность таких могущественных персон, но то, что здесь замешано колдовство, можно допустить вполне. Обычно так просто по щелчку из мира не уходили. Ванрэда мучили кошмары. Спичка жизне-радостности не горела, а потом вовсе потухла. Только он уже успел ощутить тепло от костра отношений, как его резко за-гасили. От этого стало очень больно. Может она, слишком любила жизнь, а смерти это не по нраву? Задавая себе все новые безответные вопросы, парень искал утешение в бутылке.

Каждодневные запойные посиделки в трактире не помо-

гали развеять тоску, а просто ускорили время. Единственное, что неизменно, так это сны о девушке с баклажанными волосами и странные знаки по всему телу. Он конечно же мечтал о ней и раньше, но никогда не видел в реальности и вряд ли бы встретил. Эту тоску заглушила новая девчонка и настоящая в отличие от первой из грез. Но живая лишь мгновение и теперь осталась та, несуществующая мечта, плод его фантазий.

«Услышал ли я гром

Услышал ли я...»

Музыканты играли по кругу одну и ту же песню, но Ванр-эду плевать, как и другим посетителям кабака.

— Надоело смотреть на твои терзания. Ты же лучший воин поселка! Так и будешь дальше сопли жевать? Здорово, что ты опустошаешь запасы моего пойла превращая их в монеты, но у меня тоже есть сердце.

Никакой реакции на слова трактирщика не последовало. Лишь слышно, как пол скрипит под ногами гостей заведения. Даже треньканья лютни выступающих бардов не могли заглушить треск дерева от сапог.

— Если пьют от радости, я ничего не скажу, но таким количеством обычно беды заливают. Что с тобой?

Парень вытаращил свои пьяные глаза на говорившего хозяина заведения, продолжая молчать. Затем он опустил голову и провалился в короткий сон.

— Слышал о южном острове, что на краю земли? — осыпал несчастного вопросами трактирщик, вытирая рукавом

рубахи пену на острой черной щетине от эля.

Последние слова владельца заведения произнес женским голосом. Ванрэд опять открыл глаза, бросив взгляд на говорившего. За барной стойкой стояла девушка из снов. Она поправляла баклажанные волосы, улыбалась ему. Затем он моргнул, картинка расплылась, вернув бородатого и лысого трактирщика в фартуке.

Владелец заведения частенько пил вместе с посетителями, но это не мешало ему вести дела, всегда выглядел так, словно вовсе не употреблял спиртное.

Трактирщик поведал Ванрэду о земле из древних легенд, пропитанной чёрной магией. Поговаривали, что мёртвые там оживают, правда, никто оттуда не возвращался. Один из семерых обитал на острове.

— На земле, к сожалению, бродят исполины и может еще твари какие. Конечно, есть много артефактов и неизведанного, но искатели приключений никогда не приходили назад оттуда, — подытожил трактирщик, натирая прозрачную кружку до блеска тряпкой.

Рассказа оказалось достаточно, чтобы парень, взяв всё необходимое, уже сидел в лодке, прислонившись к гробу со спавшим вечным сном, его возлюбленной. Он, раскапывая могилу хотел вскрыть крышку, но резко передумал, решив тащить прям так целый гроб, невзирая на безумие затеи. Ванрэд не мог видеть девушку разложившейся. Саму лопату он долго не мог найти, но оказалось та валялась на своем ме-

сте возле остального инвентаря, просто изначально по неизвестным причинам парень не углядел инструмент. И вот он плыл по течению с трупом, не переживая о приключении в один конец. На руке красовался браслет, сделанный из кожи и подаренный ею, застегнутый на четвертое деление.

* * *

Путешествие проходило долго, но спокойно. Человек добрался до старых брошенных земель сквозь болота. Грести через тину с зарослями камышей стало труднее, но Ванрэд доплыл до берега и дно лодки уже прочесало песок. Достав гроб, парень намотал на свои мощные руки цепи, закрепленные на деревянной крышке, и потащил за собой через мертвую деревню к горе. Бросались в глаза первое время одни лишь гнилые разрушенные постройки из мусора древних. Ванрэд ненадолго остановился у каменного алтаря семерым и отбросив все дурные мысли касательно их проклятия, продолжил путь. Подойдя к горе, он начал изучать склон, пронизанный лестницей до самой вершины. Вокруг вросло в почву множество исторических развалин, но внимание привлек идол, вставленный в отверстие горы справа от ступеней. Он вытащил его и стал рассматривать. Знакомое лицо, вырезанное на поделке из дерева, но парень не мог вспомнить, чьё именно. Без какого-либо шума лестница в скале исчезла. Ванрэд не сразу заметил этого. Вернув, идол на место, ступени снова появились, словно активировалась иллюзия.

Потрогав ступеньки и убедившись, что настоящие, он на-

чал свое восхождение, впившись руками в цепи еще крепче. Парень долгое время тащил гроб за собой и невзирая на боль с давившей тяжестью, поднимался выше. Сделав несколько привалов по дороге, он разглядел постройку на самой вершине. Туда путник и отправился, волоча за собой гроб. В сумке за спиной запасы еды с водой на исходе. Помимо провианта, Ванрэд взял самодельный костяной бумеранг отца и фамильный меч лучшего друга. Приятель до последнего пытался отговорить от поездки, но решение отправиться во все тяжкие, стало окончательным.

— Раз не получается тебя избавить от дурной затеи, вот возьми! Единственное, что могу дать! — обнимая и хлопая по плечу, благословил на дорожку Ванд, его товарищ.

Мучаясь с гробом, по ступеням, вырезанным прямо внутри самой горы, юный воин все же добрался до храма. Пройдя в главный круглый зал, внимание человека, привлек каменный стол у иконы с изображением семерых. Положив на него гроб, парень уселся на пол, чтобы передохнуть. Юноша решил привести меч в порядок, так как он валялся в погребке довольно давно. Первое время в помещении царила тишина, но при очередном ерзанье сухой тряпкой по клинку, покой вскоре нарушился.

— Для чего ты принес её сюда? — залетел в уши мерзкий шипящий голос.

Ванрэд выронил ткань, вцепившись в рукоять меча и вскочил резко на ноги. Воздух вокруг потяжелел, стало труднее

дышать. Все пространство почернело. Стены, стол и пол сменили цвет, слившись в сплошную темную материю. Казалось, что находишься в пустоте. Ничего не видно в крошечном мраке, лишь раздавался не разбираемый шепот.

— Я слышал, здесь можно воскресить умершего, — озираясь по сторонам, ответил человек странной сущности.

— Плата мне, черному богу, будет велика. Река в царстве мертвых, опоясывает его шестнадцать раз, — шепот усиливался, — Именно стольких чудовищ тебе предстоит уничтожить, чтобы достигнуть цели! Пока исполины ходят по этой земле, дышат на острове, тот, кто умер, не вернется. Нужно спуститься вниз с горы к их владениям.

— Я пойду на любые условия, но боюсь это верная смерть. Великаны сносят дома и уничтожают армии одним лишь взмахом руки.

— Положи сюда только меч и бумеранг... — после данного указания тьма отступила, открыв взору часть помещения с тем каменным столом.

Парень, не задавая лишних вопросов, все сделал, предварительно сняв гроб. Черный туман окутал оружие Ванрэда на несколько секунд, а затем исчез.

— Теперь у тебя будет шанс. Иди и не трать больше мое время. Забери свои вещи и на их место верни гроб. Я договорюсь с хозяином микромира. Мертвая лишь в этой вселенной, файл с копией хранится на планковской длине и вернется отголоском обратно после выполненных условий.

Ванрэд напрягся, ведь не хотел оставлять девушку здесь, пускай и неживую. Что такое микромир, файл и прочие слова он не понимал, да и ему это не важно. Главное, есть возможность вернуть ее, но парень замешкался. Бросать тело здесь с черной тварью...

— Аура каждого погибшего колосса окутает сосуды храма, те в свою очередь заполнят алтарь для червоточины. Ты хочешь воскресить ее или нет?

Человек решил и не стал больше раздумывать. Он направился к выходу, оставив любимую. Ему плевать на собственную жизнь, он шел истреблять великанов ради своей второй половинки. Напоследок взгляд бросил лишь на шестнадцать пустых чаш с нарисованными тварями, появившимися из воздуха. Задачу от незнакомца герой принял, других вариантов у него всё равно не нашлось. Снова тащить труп назад, чтобы закопать обратно в землю и прожить жизнь зная, что давали шанс спасти ее. Такой груз на душе тяжелее гроба с дорогой.

Выйдя наружу и обогнув храм, парень нашел очередную лестницу, похожую на ту, что привела его сюда. Она уходила туда, откуда никто не возвращался по словам хозяина таверны. На остров, землю чудовищ, где неизведанная территория полная загадок и тайн. Разбитые старинные колонны, засаленные рукописи с руинами былой цивилизации открылись Ванрэду, когда тот спустился. Он считался сильным и крепким в своем поселке, но не обладал никакой выдающейся си-

лой или колдовством, чтобы сразить гигантов. Человек выглядел умелым воином и конечно, для битв с титанами этого недостаточно. Правда целеустремленность, любовь и самое главное подарок сущности из храма творили чудеса. Все это дало приток необычайной мощи. Может заслуга острова, но точного ответа на такой расклад, он не знал.

Парень стал быстрее, мог поднимать и дробить тяжелые камни, тело словно из железа. Человек встретил первого колосса около чащи леса. Несколько дней он выслеживал чудовище по огромным следам и на конец обнаружил. Гигантский великан шагал по земле, сотрясая всё вокруг. Кто угодно испугался бы, но не Ванрэд. Терять нечего. Девушка, ради которой он раньше жил, лежала в гробу и ждала. Он должен увидеть её после своей смерти, либо вернуть в мир живых. Где произойдёт их встреча, не имело значения. Для Ванрэда разницы нет. Парень не задумываясь пустился бы во все тяжкие, но сомнения не давали этого сделать после слов трактирщика. Ведь Ванрэд не уверен до конца, что потерял ее навеки в этом мире.

Воин цеплялся за колосса карабкаясь по его телу, выискивал слабые места. Монстр пытался поймать назойливого размером с палец великана, но ловкий Ванрэд, всегда успевал увернуться. Битва велась долгая и ожесточенная, но в итоге меч вонзился в уязвимое место, питавшее титана жизнью. Раздался рёв, полный боли, и туша исполина рухнула горой вниз. С самим клинком явно что-то не так. Когда ору-

жие рубило кожу великана, то по ней шел шлейф темного тумана прямо из лезвия. Черный дым окутывал постепенно тело монстра. Ванрэд понимал, что есть реальный шанс убить всех чудовищ. Не теряя драгоценное время, юноша отправился дальше. Чем быстрее парень закончит, тем короче будет ожидание встречи с ней.

Сражаясь со вторым чудовищем, Ванрэду пришлось ещё тяжелее. Близко подойти не выходило, тот не подпускал к себе, передвигаясь на четвереньках набирая огромную скорость. Щелкнув гигантскими челюстями, колосс почти достал зубами Ванрэда. Человеку пришлось воспользоваться вторым оружием, чтобы сразить великана на расстоянии. Бумеранг со свистом рассекая воздух, отрывал куски тела врага. Когда он возвращался в руку, то на нем горела черная надпись на неизвестном человеку языке. Монстр приблизился на опасное расстояние и все бы закончилось грустно для парня. Но он справился, правда играя со смертью уже на грани. А ведь этот колосс, сильнее и быстрее предыдущего. Если так пойдет и дальше, третий будет не по зубам воину. Выдернув бумеранг из головы монстра, парнишка сначала отдохнул, развалившись на прохладной земле. Отдышавшись, он направился вдоль ручья, ведь на песке возле воды заметные следы очередного исполина.

Со следующим из этих великанов, всё происходило иначе. Тварь не нападала. Титан вел себя странно. Он помахал ему и улыбался. Казалось бы, доверять не стоило чудищу,

но Ванрэд решил проверить невзирая на возможную ловушку. Пальцы с рукояти клинка парень все же не убирал. Так образовался первый за всю историю союз между гигантом и человеком. Общаться великан мог только простыми жестами, но этого вполне достаточно. Колосс молча помогал во всем Ванрэду. Ночами он согревал воина широкими ладонями, складывая их в комок, формируя укрытие. Руки гиганта хоть и затекали, он терпел и не убирал их, пока парень не просыпался. Исполин охотился на местных животных и делился добычей с человеком. Он помог Ванрэду уничтожить очередных титанов, которых герой преследовал. Великан отлично проявлял себя в ближнем бою, пока воин сшибал бумерангом слабые места других чудищ. Ванрэд не понимал, почему его союзник помогал уничтожать таких же монстров, как и он сам, но возможно у того имелись свои причины. Исполин с человеком гуляли по острову в свободное от погонь время. Парень часто забирался великану на спину и вместе с ним, любовался ночным небом.

— Она тоже любила смотреть вот так, — говорил Ванрэд, устремляя свой взор наверх. В этот момент гигант словно разделял чувства человека, улыбался и пристально вглядывался в звезды.

Титан, как ребёнок, повторял те же действия за парнем, глядя добрыми глазами. Но вот пришел тот роковой день. Остался последний колосс из шестнадцати. Ванрэд понимал, что рано или поздно настанет время. Он ни на секунду не

забывал, зачем пришел на этот остров. Выбора нет, и давать заднюю герой не собирался. Исполин, словно щенок, не понимая, почему хозяин мучает его, смотрел на Ванрэда огромными зрачками. Из них текли слезы водопадами. Воин резал титана в уязвимых местах своим мечом, но тот даже не сопротивлялся, а просто принимал страдания. Великан кричал от боли, но так и не ответил своему палачу. Он не мог понять, за что его убивал близкий друг. Через некоторое время все закончилось. Последний из исполинов повержен и человек вернулся в храм.

Чаши наполнились странной и неизвестной массой. Сосуд с нарисованным крайним колоссом, привлек взор Ванрэда. Парень узнал в картинке своего товарища великана, которого так хладнокровно лишил жизни. На этой чаше светилась надпись «Эгеон».

В гробу раздался стук. Парень открыл крышку и обнаружил разлагающийся труп. Ванрэд не хотел видеть этого, а уж тем более ощутить запах гниющего тела любимого человека. Но не успел он опомниться, как над мертвой девушкой появилась небольшая черная щель прямо в пространстве. Проход расширялся и остановился до нужного размера, чтобы мог выйти человек, что и произошло. Через несколько секунд из отверстия на свой собственный труп грохнулась девушка. Её черный бог вернул к жизни.

— А-а-а-а-а-а-а-а-а...Э-э-э... — возлюбленная Ванрэда кричала во все горло и странно шевелила головой.

— Тэмма! Я рядом, — пытался поговорить юноша с девушкой.

— Э-э-э-э-э... — она выпала из гроба корчась на полу.

Ванрэда окутала ярость, и, обнажив свой меч, он развернул тело к заполненным чашам.

— Ты обещал вернуть мне её! Что происходит?! — яростным эхом прокатился человеческий голос по залу.

Мерзкая, шипящая и невидимая сущность ответила воину:

— То, что ты просил исполнено. Всю запись о ней восстановили из микромира, правда, если данные вытаскивают из струны обратно, то файлы некорректны. Простыми словами понятными тебе, далекого от всего сущего жалкого человека, ты нарушил её покой. Девушку ждут вечные мучения и страдания.

— Верни мою прежнюю Тэмму! Слышишь?!

Сущность Ванрэду больше не отвечала. Парень пытался поговорить с любимой, но в ответ раздавались лишь стоны и крики.

— Скажи... Это же ты нас заколдовал!!!! Твоих рук дело, а? Мерзкий черный бог, ненавидящий людей!

Через некоторое время после терзаний и выплесков очередных проклятий, Ванрэд обратил внимание на листок бумаги. Ранее он не замечал его, может тот появился именно сейчас, теперь трудно сказать, но человек поднял бумажку с пола и перевернул. На нем читался текст от руки. Ванр-

эд почувствовал странную связь с этим клочком, но какую именно, не мог понять. Возможно, найдутся ответы, как помочь Тэмме. Крик девушки отвлекал и парень, напрягшись, все свое восприятие направил в содержимое полученной информации, где вначале текста черный раскрывает себя.

«Бог ненавидел людей, да и великанов тоже терпеть не мог. Они все разрушали вокруг. Убивали ни в чем неповинных животных, сжигали и вырубали леса и что уж говорить, даже на этом не останавливались. Жажда истребления не угасала и человечество продолжало уже топить само себя в крови из-за добычи или территории. Воевали и создавали трупы ради трупов. На острове черного бога сначала жили люди, уничтожившие все вокруг. Пришлось создать великанов, дабы род человеческий ощутил себя в шкуре тех бедных зверей, которых убивали не для пищи, а ради забавы на праздниках и жертвоприношений тому же черному богу. Сам черный признавал охоту, ведь в животном мире так все устроено, но люди не соблюдали баланс. Выстроенную природную цепь сломала жадная человеческая натура и ее не насытить. Великаны, истребили всю людскую цивилизацию острова, правда нашелся среди них и тот, кто был против. Наперекор своим собратьям он спас остатки людей на огромном корабле, помог им уплыть с этой земли. Имя ему Эгеон, один из последних исполинов, убитых Ванрэдом».

Человек разозлился, вцепился крепче в листок, стал разглядывать крайние строчки, с оставшимися еще странными

символами. Ванрэд их не мог разобрать. Он уже видел такое, только не получалось вспомнить, когда именно. Возможно, при помощи записки удастся помочь девушке. Ведь зачем-то черный оставил информацию, правда разобраться в ней пока не вышло.

Все это время Тэмма ни на секунду не прекращала кричать, а сердце парня обливалось болью сильнее, но лучик надежды появился, когда чернота снова выплюнула еще один листок бумаги.

— При чем тут...? Эта девушка и мухи за свою жизнь не обидела! Как она связана с твоим островом?! — выкрики Ванрэда слились с воплями Тэммы, эхом несясь по храму.

Все происходящее терзало парня и стали подкрадываться мысли, что эгоизм не позволил отпустить любимую. Лучик надежды появился, когда чернота снова выплюнула еще один листок бумаги. Человек бросился к нему не задумываясь, и трясущимися руками поднес к лицу. Черный поведал продолжение об острове, но также с завуалированным ответом на последние возгласы Ванрэда.

«Эгеон не виноват. Он соблюдал все правила охоты черного бога, не убивал просто так. Великаны исполнили тогда свое предназначение, но далеко не ушли от тех же мерзких людей. Все повторилось заново и остров страдал не меньше из-за безрассудного истребления многих исполинами. Именно жертва двух добрых существ нужна для достижения этой цели — освобождения острова. К сожалению, не вый-

дет оставить соблюдающих правила. Ни великаны, ни люди не переносили одиночество и появятся другие, а кто-то из них со временем позабудет о том, как ценна любая жизнь и все начнется опять. Черный бог забрал светлую душу и привел сюда тебя, того кто освободил землю. Много вариантов пробовали использовать ранее, но единственный выход тот, что сейчас. Две смерти лучших, любящих жизнь для решения».

В конце сна те же символы, как и на первом листке. Проблеск памяти показал Ванрэду переплетение с его сном. Именно такие же знаки он видел на теле девушки с баклажанными волосами из грез. Записка возможна связана с ним, но пелена гнева отвлекала от явных совпадений.

— Твоего такого вот решения?! Почему именно они должны умирать? Забрал бы меня или еще кого.

— Ты так сильно не любил жизнь как эти двое. В тебе нет добра. А слепая привязанность к одному человеку не делает тем, кто необходим! — шипящий голос вернулся, окутав все непроглядной тьмой и странно, что без очередных записок.

— Отпусти Тэмму! Возьми меня! Пожалуйста! — Ванрэд умолял черного бога, а вперемешку с адскими криками девушки, разносящимися по всему храму, выглядело еще более ужасающе.

— Избавь ее от мучений, ведь файл воспроизводит последние мгновения по кругу не прекращая. Способ оборвать страдания данных лишь один. Если ты не убьешь любимую,

то всегда придется слышать её крики, куда бы ты не направился. Даже на краю земли страдания Тэммы настигнут тебя.

Больше голоса черного бога Ванрэд не слышал. Он звал и молил его, ждал очередные клочки бумаги на земле, но ничего не происходило. Возлюбленная не прекращала кричать от боли закатив глаза.

Девушка корчилась так же, как в последние минуты своей жизни, только тогда этот ужас длился мгновение, а на данный момент без конца, не переставая Тэмма ощущала смерть. Страдания забрали ее утром, а сейчас терзали все время.

Человек пытался обнять ее, но та билась в агонии, не подпуская к себе, размахивая всеми конечностями. Хрупкое тело девушки искажалось судорогами, словно сводило каждый сустав. Крик все не прекращался. У Ванрэда не хватало смелости убить ее. Он заткнул уши, чтобы не слышать страдания девушки, но данное действие не помогало. Иногда он снова подходил к ней и пытался решиться.

«Всего лишь ударь мечом или швырни бумеранг... Нет, нет. Нужен способ расколдовать ее. Может не сейчас, но должно быть что-то. Я найду выход».

Парень поник возле алтаря и опустив голову сам стал кричать. Страдания девушки смешивались с его, кружась головными вибрациями в храме.

—, Пожалуйста, прекрати. Нет, нет, нет... Черный бог, прошу! Не хочу слышать крики! Чтоб мне лучше оглохнуть!

— продолжал парень тщетно звать темную сущность.

Из тела Ванрэда что-то вырвалось. Существо без каких-либо очертаний, похожее на недоделанную огромную куклу, выпрыгнуло. Оно развернулось и лишь глаза Кенра с грустью смотрели на парня. Рта и носа нет. Руки вцепились в уши, пальцы проникли вглубь и слились с перепонками. Текстуры резко зарябили, стены храма соединились с алтарем и чашами. Раздался знакомый треск болванки и неназванного выдернуло из мира.

Интерлюдия. Всадник

Шум ветра четко различается в ушах и кажется, что он слышит падающие снежинки. В горах идет снег, Неназванный наслаждается всеми звуками холода. Хруст выпавшего слоя осадков под ногами, шорох пальцев. Теперь у него помимо зрения есть слух. Он очень хочет кричать, чтобы рык вырвался и устремился в окружение, вернувшись эхом обратно в уши. Уши, принадлежащие Ванрэду. Есть желание разобрать собственный голос по нотам, но разговаривать пока он не может, еще не время. Нужно идти.

Тяжелой ноши больше нет, а руки до сих пор ощущают жжение от цепей. Неназванный поднимается выше, видит знакомый храм и....

— Э-э-э-э...А-а-а-а!

Тело все трясет. Сам больше не Ванрэд, но присутствуют те же чувства, ведь сидел в его шкуре. Все переживания,

эмоции прокатываются комом до сих пор, невзирая на то, что покинута оболочка убийцы великанов.

Любовь к этой девушке, страдающей в храме, живет еще в теле. Частичка Ванрэда дает о себе знать... Теперь он обречен слушать ее страдания. Нужно идти в храм.

Преодолевая каждую ступень, Неназванный поднимается на крики воскресшей из мертвых. Их не заглушить ни затычками, ни ладонями. Они пробиваются через все преграды к перепонкам и такие громкие, словно стоишь прямо перед ней. Но он смелее. Убийца великанов не смог, а он делает то, что необходимо.

Знакомые стены, алтари и наполненные чаши. Ничего здесь не изменилось, за исключением привычного звука. Стрекот насекомых различим даже среди громких женских страданий. Рой букашек окутывает предмет, давая понять, что Неназванный воспользуется им, как и с идолом. Гладкие руки без отпечатков разгоняют цикад и хватают рукоять. Меч Ванрэда сверкает, черный туман на секунду прокатывается по всему лезвию.

Существо смотрит глазами Кенра на несчастную, корчившуюся от боли девушку.

«Сколько она уже вот так мучается здесь?»

Самого Ванрэда или его тела нет, значит он оставил ее. Неназванный приближается к страдавшей и заносит кисть, вцепившуюся в рукоять меча для удара. Перед глазами всплывают образы девушки и все моменты, прожитые с ней.

Существо замирает. Неназванный пытается пересилить себя.

«Ты не он... Давай».

Кисть срывается с места, и меч протыкает насквозь любимую Ванрэда лезвием через сердце. Терзания девушки прекращаются, кажется, что на ее лице застывает облегчение вперемешку с легкой улыбкой.

Неназванный аккуратно берет женское тело на руки и опускает в тот же гроб, что Ванрэд принес в святилище черного бога, рядом с костями предыдущей Тэммы. Выходит, теперь два трупа одного и того же человека. Глаза Кенра долго рассматривают лицо девушки, а уши еще помнят крик. Существо закрывает крышку гроба и в туже секунду стены храма меняются. Все окружение становится резко другим. Солнце светит сквозь тела, парящие в небесах. Их так же шестеро, седьмого нет. Снежный горный ландшафт с храмом меняется на прерию. Ограниченная растительность в этих степях выражается теперь редкими деревьями и кустами. На горизонте целый лабиринт из скал, который и становится причиной данного климата, так как горный массив заслоняет теперь от осадков местность. Все происходит за мгновение.

Неназванный в момент анализа, осознает, что сильно меняется с начала пути. Оболочки Кенра и Ванрэда, пусть хоть и ненадолго, он берет от них не только зрение и слух. Существо понимает, что более ценным приобретением являются личности и внутренний мир таких людей. Все чувства, пере-

живания и их прошлое сливается с ним.

Новый мир напоминает дикий запад, о нем читал в старых книжках на руинах Кенр, чьи отголоски памяти доступны для использования теперь здесь. Все происходящее не просто так. Его ведет что-то вперед, и он вспомнит скоро подробности. Куда идет и зачем? Неназванный снова смотрит на верх. Ему не дает покоя отсутствие седьмого, лишь остается и дальше шагать за стрекотом, не заставляющим долго себя ждать. Насекомые принимают форму лошади с всадником в шляпе. Наездник, сотканный из огромного летающего роя, медленно срывается с места. Ковбой мог бы и устремиться галопом, но специально движется так, чтобы следовали за ним. Любому другому длительный поход по степи под жарящим солнцем наказание, но не для неназванного, ощущающего ранее лишь пустоту, когда без глаз и ушей бродил по болоту. Он с наслаждением упивается светом и палящим солнцем. Жар лучше вакуума. Звуки прерии с тихим горячим ветром, крутящим песок ласкают уши. Он может идти так еще долго, но на горизонте через волнистые струи воздуха виднеется городок. Всадник исчезает, рассыпается, будто не из насекомых, а из мелких шариков. Сам же рой расходится в разные стороны, растворившись в пространстве. Выбора нет, ведь идти кроме данного поселения некуда. Неназванный пересекает ворота, украшенные коровьим черепом. Слева прибитый к земле столб с доской объявлений. В глаза сразу бросаются плакаты с портретами разыскиваемых пре-

ступников, особенно выделяется один из бандитов на самом ярком с более выгодным вознаграждением.

Тайлер Милтон... Живым или мертвым.

В городке эпохи покорения дикого запада тишина. В вестернах из кино явно не так. В оболочке Кенра Неназванный помнит архивы по фильмам, производимым древними. Возможно многие моменты и с художественным уклоном, но этого тоже с лихвой хватает, чтобы пройтись по краюшку истории. Если снова смотрит на верх, то становится ясно. Сюда пришли семеро. Хоть одного все так же и нет, этот мир явно претерпел катастрофу, как и предыдущий. Неназванный пока не совсем понимает, Ванрэд и Кенр из идентичной эпохи? Или вообще с одной планеты? С приобретением новых знаний из своих путешествий вопросов меньше не становится. Неназванный осознает, что на все не найти ответы, но ему ничего не остается, кроме как следовать за насекомыми. Правда на данный момент в брошенном городе нет даже их. Он проходит несколько улочек, изучает покосившиеся вывески с магазинами оружия, шляп и продуктов, затем останавливается возле салуна, откуда доносится знакомая песня:

«Могу ли я стоять непоколебимо

Среди, среди рушащегося мира

Услышал ли я гром

Услышал ли я...»

Неназванный заходит внутрь, чтобы найти источник звука. Ведь именно эту композицию по кругу исполняют музы-

канты в таверне, где топил свое горе в бутылке Ванрэд. Только сейчас это салун.

— Ну а вот и ты... — встречает голос человека со знакомым щетинистым лицом. Всматривается безликое существо пристальнее, узнает того самого трактирщика, направившего Ванрэда к храму черного бога. Если бы Неназванный мог, то расспросил бы хозяина обо всем, но пока есть только глаза и уши.

— Слышал историю об оружии черного бога?

— ...

— Не можешь говорить? Да ладно... вижу, что нет рта. Му гага! — злорадствует трактирщик и продолжает свой рассказ, — Говорят, мальчишка влюбился по уши в меченую проклятием. После смерти девушки отправился на забытую богом гору в святилище. Парнишка пошел на сделку с самим дьяволом, чтобы вернуть к жизни любимую. Получил бумеранг с мечом и истребил всех исполинов, как велел Черный. Только вот возвращение с того света не принесло радости ни ей, ни ему. Ведь нельзя призывать оттуда упокоенных, никакой бог здесь не поможет, — владелец заведения прерывается и выпивает залпом стакан кактусового вина, затем вытирает рукавом рубахи свою острую черную щетину.

Я не могу припомнить,

Что привело меня к этой дороге... — трек продолжает звучать, вот только исполнителей или проигрывателя нигде не видно.

— Классная песня... А ведь вся музыка такая же математика, представляешь. Благозвучны те струны, длины которых находятся в определенной пропорции друг к другу. Октава 12 полутонов, словно стрелки на часах. Звук физическое явление, имеющий формулу. Космос музыкальная числовая гармония. Ох... Семеро стерли музыкантов, но не само исполнение... Как и числа, если их не писать в тетради, это же не значит, что их не существует. Хи-хи-хи, — подмигивает единственный обитатель салуна и продолжает, — Так, о чем я говорил то вообще? Ах, да... Страдала бедная девушка от боли, ведь мертвому не место в мире живых. Он должен был отпустить ее, но не смог. Проклятие черного бога действовало и на парня. Как бы он не пытался заглушить крики любимой руками, удалялся от храма обратно к лодке или отплывал с острова, ничего не помогало. Тогда Ванрэд вернулся в святилище и поклялся, что найдет способ расколдовать ее. Он проткнул себе перепонки наконечником черного рунного клинка, дабы не слышать страдания девушки. А ведь нужно было просто найти силы убить ее, но любовь к ней и надежда не дали этого сделать. Вскоре герой покинул храм, оставив бумеранг и клинок в святилище, решив, что оружие с отметкой черного бога проклято. Сколько бы глухой Ванрэд не путешествовал по миру, он не нашел способа помочь девушке и погиб в очередном своем странствии. До сих пор ходят легенды о кричащей горе. Многие хотели прийти сюда, чтобы найти оружие истребителя великанов,

ские постройки, гигантский оплот цивилизации, чьё дыхание достигло атмосферы. Летающие поезда, парящие заводы. Пытался понять, это место для него или нет. Ведь если не чувствовал, что ты дома, значит здесь и ловить нечего. Надеялся, кто-то откроет истину, поможет разобраться во всём или просто развеял бы сомнения, терзавшие внутреннюю суть.

* * *

Пока музыканты исполняли композицию, кто-то напивался за барной стойкой, остальные играли в карты или кости. Девочки тащили своих клиентов на верх в комнаты. В салуне все, как обычно, одни просаживали деньги, другие зарабатывали.

— Ну ты чего застыл? Возьми и дуй отсюда, пока фараоны не пригнали, — парень в серой шляпе держал на вытянутой руке охотничий бумеранг.

Тайлер вышел из ступора, словно выбыл на какое-то время из всего происходящего, а затем поблагодарив собеседника, выхватил вещицу и выскочил на улицу к стоянке с лошадьми. Посмотревшись в собственное отражение на поверхности воды внутри бочки, он так же проверил, чтобы пружка была туго затянута на четвертом делении. Даже после плотной трапезы, раздувавшей живот, он никогда не ослаблял ремень, ведь такого рода действия снизят удачу.

— Че так долго? — сплюнув жевательный табак, злился на товарища Айзек, поглаживая руками бахрому на своём

пиджаке.

Любитель снюс сидел на огромном бревне напротив гнедого коня, хлебавшего воду из корыта. Товарищ Тайлера так и не дождавшись ответа, молча стал натирать специальным маслом свой старенький, но надёжный карабин. Оружие пережило несколько гражданских и индейских войн, поэтому требовало тщательного ухода.

— Послушай, Тайлер. Дилижанс ждать не станет. Мне будет спокойнее, если ты и Хэмиш уже отправите зады на миссию.

К двум друзьям подошел угрюмый парень в клетчатой рубашке, поправляя кончиками пальцев свой фетровый Стетсон.

— Вы упоминали мое имя, черти? — спросил Хэмиш, плюхнувшись на бревно рядом с Айзеком, — Тайлер, ты забрал у торгаша, что хотел?

В ответ тот показал бумеранг друзьям.

— И стоило рисковать, светить своей рожей в людном месте, пуф? - фыркнул Хэмиш и харкнул на землю, — Чем тебе ружье не угодило или хотя бы лук со стрелами?

— Для моей охоты лучше бумеранга нет. Отец сам из Австралии, обучил данному искусству. Так уж вышло, что ловили добычу именно с помощью такого оружия. Пользоваться сложнее, зато интереснее. На крупных животных, конечно, проблематично, но и черт с ним. Да и шкура будет не повреждена. Главное попасть прямо в череп.

— Плюс на сколько я слышал, штуковина еще и назад воз-

вращается, верно? — поинтересовался Айзек, разглядывая пристально бумеранг.

— Тот, что летит по кругу, сделан для развлечения и игр. Охотничий другой формы и лишь достигает цели при броске. Но зато набирает смертоносную скорость и швырнуть можно на приличное расстояние.

— Хотел бы я на это посмотреть! — присвистнул Айзек, а Хэмиш снова заворчал, что нет смысла светить рожей из-за безделушки.

— Вы оба че тяните? — возмутился Айзек, — А? Я же дал наводку. Сегодня собирают деньги со всех ферм Айлифа. Дилижанс повезет выручку через Мормонскую тропу аж до самой Юты. А вы занимаетесь тут фигней.

— Я-то тяну? — у Хэмиша задергался глаз от злости, — Повтори командиру, мать твою, который тратит время на покупку ерунды. Весь округ готов башку прострелить. На плакате написано «живым или...»

— Ну хватит! Тайлер давно искал кто бы, продал ему такую вещицу, не бузи! Он не мог пройти мимо.

— Айзек... Чего сам не едешь сбывать ценные облигации? Мы их без тебя стащили с локомотива Крайтона. Может твой черед? Зачем нас подгоняешь? Удумал чего?

Мужчина в пиджаке с бахромой приблизился на неприлично короткое расстояние к Хэмишу.

— К чему клонишь? Я просто хочу убедиться, что вы отправитесь за нашими денежками. И дела есть иного рода. На-

пример, подготовить паром в другой штат через моих ребят с заброшенного причала. Смекаешь? С бабками как собрался сваливать? Твоей мордой все вокзалы обклеены и порты. Я переживаю о нашем будущем не меньше!

— Да хватит вам! Все ребята и так на взводе. Айзек, мы готовы! Хэмиш, по коням! — устал слушать перепалку Тайлер.

Айзек выкинул масляный платок, надел грязный поношенный плащ, и, убрал сверкающий карабин за спину.

«Фью... фить фью... фить... фью... ф-ь-ю-ю-ю-ю...»

Тайлер мелодичным свистом подозвал коня у самого дальнего стойла. Песню, где взят данный мотив, уже и не вспомнить, но когда-то он точно слышал композицию.

Айзек с Хэмишом обменялись озлобленными взглядами, но все равно последовали примеру друга. Но к собственным лошадям им пришлось топтать на своих двоих. У Тайлера голландский жеребец обладал не только дьявольской скоростью, но и сообразительностью.

Банду Тайлера Милтона, интересовали не одни лишь грабежи, убийства и нажива. Многие кто попал в команду, уже потрёпаны тяжёлым прошлым и встали на скользкую дорожку не от хорошей жизни. Им просто некуда больше податься. Даже у самого Милтона до криминальных приключений имелась семья. Ему выделили дом на ранчо Саммерса, пока он работал там. Звёзд с неба Тайлер не ловил, но всего хватало для счастья. Скачки галопом с сыном наперегонки, по

полям Иллинойса до Большого солёного озера, а затем долгожданная рыбалка. Один раз выдернули краснопёрую щуку, приготовили громадину потом на лужайке. Сам Саммерс оценил улов. Это конечно все рутина, но Милтон кайфовал, от дойки коров, умирения быков с жеребцами. Он думал, что так будет всегда, но у судьбы возникли другие планы на этот счёт.

Сын Тайлера умер от туберкулёза. Милтоны с трудом справились с горем, но тёмную полосу продолжала чертить жизнь, словно привезли больше чёрной краски, а белую забыли. Далее становилось еще хуже. Саммерс проиграл своё ранчо в покер по пьяни, и новый хозяин Рассел начал подбивать клинья к жене Тайлера. К глубокому сожалению, та ответила взаимностью, полагаясь на то, что смерть сына Томми поставила жирную точку в их отношениях с мужем. Несчастливого Тайлера выгнали из дома, и он не собирался прощать нового хозяина. Милтон от переполнявшей злобы хотел лишь избить Рассела, но тот потянулся к оружию. В суматохе Тайлер застрелил владельца ранчо из его же карабина, служившего и по сей день ему. Ствол Спрингфилд напоминал о том дне, когда

Тайлер Милтон, из обычного фермера превратился в грозного бандита. Его с данного момента искали живым или мёртвым, все охотники за головами и законники штата. Со временем он нашел таких же преступников. У каждого за пахухой заваялось, что рассказать, ведь они несправедливый

путь не выбирали, многих жизнь заставила.

Лучший друг Айзек стал правой рукой Милтона. Хэмиш же зарекомендовал себя отличным стрелком и волевым человеком, но из-за своего характера раздражал всех в отряде. Доверия к нему меньше, но терпели его исключительно из-за пользы, которую приносил человек в фетровом Стетсоне. Эти трое являлись костяком банды, наводившей ужас на многих шерифов в округе. Всё больше людей присоединялось к отряду, так как его популярность вышла за пределы штата.

Законники в последнее время наступали на пятки и теснили головорезов из западных земель на север. Правительство развязало руки фараонам, казна спонсировала их даже больше, чем необходимо. Многих с плакатов уже повесили, а Тайлер не хотел разделить участь коллег. Его разбойной команде остался один короткий шаг до богатства, что позволит устроить счастливую долгую жизнь всем из отряда. Банда скрылась бы за границей. Погони с бесконечными перестрелками должны превратиться теперь в байки у костра. Нужно лишь ограбить дилижанс по наводке Айзека, пока тот по своим каналам, продаст ценные бумаги заинтересованным лицам с фабрики и договориться насчет судна, чтобы покинуть штат. Такого рода дела обеспечат будущее.

Тайлер вместе с Хэмишем вышли из лагеря, прихватив ребят, так как Айзек дал понять, что мешки с деньгами без охраны никто везти не собирается. Завязав шейные платки

вокруг лиц, банда Милтона перегородила дорогу фургону с лошадьми, раскидав мешки с зерном. Казалось, вот он, билет в беззаботную жизнь уже в руках. Тайлер часто грабил банки, поезда и дилижансы, только куш в тех заварушках скромнее, чем сейчас. Ребята с Милтоном, укрылись в специально подготовленном месте, а именно глубокой яме возле дороги. Засада шла по плану. Конвой остановился и казалось все уже предрешено. Но в момент атаки, дверца телеги распахнулась. Вместо кучи денег выкатилась картечница Гатлинга, заранее направленная в сторону банды. Ствол закрутился и изрешетил почти всех нападавших, выпрыгнувших из ямы. Того, кого не задело, добивали из ружей и револьверов.

Смерть опустилась вуалью после стихших выстрелов. Куча трупов среди поднявшейся пыли, но Тайлер еще пока жив, задело правую голень. К Милтону приблизились четверо, трое из них законники. Один же со знакомой рожей, наёмник, стрелявший из пулемёта, насмеялся над лидером бандитов, наступая на его рану в ноге. Тайлер заорал от нахлынувшей боли.

— Знаменитая шайка Милтона! Как хорошо, что ты не разделил участь остальных. Пряма судьба! Я ведь лично хотел тебя повесить. Самое забавное то, что твоя девчонка Сенди вместе с Айзеком, будут смотреть на эту казнь в городе, — язвил известный усатый охотник за головами Доккери. Его лысину прикрывала потрепанная коричневая шляпа.

Тут встало всё на свои места. Ловушку подготовил для

банды лучший друг. Вот почему Айзек торопил их с Хэмишем. Они столько пережили. Тайлер доверял Айзеку, как никому, а он продался этим тварям. Но самое страшное, то, что Сенди осталась в лагере с ним. Хоть их всего четверо, но они знали откуда будет нападение. По сути, исход решил единственный Доккери с мощным оружием. Ловушка на засаду, один ноль в пользу законников.

— И что ему пообещали за предательство своих? — корчась от боли, поинтересовался Тайлер.

— Снятие всех обвинений. А облигации он сдал в местное правление, за что и был вознагражден. Какого это? А?! Милтон?! Когда тебя кидают твои же люди? Вы ведь все отбросы, убийцы и предатели! — верещал наемник, дергая своими огромными седыми усами.

Охотник за головами ранее пересекался с Тайлером и слыл той еще занозой в заднице. Многие известные преступники пойманы благодаря Доккери, но Милтон всегда ускользал в последний момент, кроме сегодняшнего дня. Видимо их противостояние претерпело развязку.

Доккери захохотал, но его радость внезапно прервал Хэмиш, открывший огонь по врагам. Стрелок прятался за мёртвым товарищем всё это время. Два кольца в руках Хэмиша, грозное оружие, с которым знакомиться никто не хотел. Правда обычно те, кому всё же удалось встретиться с револьверами, отправлялись в долгое путешествие, откуда не возвращаются. Фараонов с Доккери не обошла похожая участь.

В миг, расправившись с противниками, вредный и брюзгливый Хэмиш, взял Тайлера под руку. Ковыляя, они в обнимку направились к дилижансу с пулемётом.

— Спасибо, что помог. С Айзеком в лагере Сенди. Расквитаюсь с ублюдком и вытащу её... Уф... Черт...

— Так и знал. Нельзя доверять козлу. Подозревал, что мутит чего-то. Не слушаешь меня, Тайлер. Только бумеранги волнуют. Эх, всегда недолюбливал Айзека, да и тебя еле выносил. Но думал, что мы как братья, ведь я с отцом тоже не ладил. А близкие дело сложное, все собачатся порой. М-да...

— В том, что мы с тобой семья, можешь не сомневаться. А вот какое отношение к ней теперь имеет Айзек, уже сложно сказать.

* * *

Единственные из банды Милтона, оставшиеся в живых после подставы друга, прибыли на вражеском дилижансе в лагерь, разбитый в пещере каньона.

— Чёрт! Ну, вы и живучие гады! — злобным голосом встретил своих бывших приятелей Айзек.

Парень с натянутой улыбкой, в пиджаке с бахромой, выставил резко вперед девушку.

Сенди молча плакала, а винтовка Винчестера в руках Айзека упиралась дулом ей в спину.

Лидер чувствовал себя не лучшим образом, и оперся на колесо дилижанса, а Хэмиш направил два револьвера в сторону предателя.

Сенди очень похожа на бывшую жену Тайлера не только чертами лица. Баклажанные волосы так же пахли. Он обо-жал безумно их обеих, но с первой, к сожалению, ничего не вышло. Потерять сейчас новую любовь, вылечившую старую рану теперь не допустимо. Сама судьба подарила ему Сенди, словно говоря, вот бери вторую такую же девушку, и он сей-час опять может все просрать.

Милтон заметил, что окружение начало рябить и мигать. Странные голоса проносились, где-то рядом, но Тайлер спи-сывал все на обильную потерю крови из раны в ноге.

— Аменабар Кроу, проснитесь! Аменабар!

Над ним склонились чьи-то физиономии в масках.

Тайлер оглянулся по сторонам, но никого не заметил. Протерев глаза, он снова смотрел на Сенди, чьё заплаканное лицо, взывало о помощи.

— Отпусти её трус! Айзек!

Лагерь, Айзек, Сенди, Хэмиш, мир дикого запада, всё во-круг исчезло.

— Ваше пребывание в вирте подошло к концу.

Над человеком, лежавшим в боксе, склонились медики в халатах. Они светили ему фонариками в зрачки.

— Хэмиш? Сенди? Куда вы исчезли? — обнажённый мужчина, оборвавший все трубки на теле, выскочил из рун-ного бокса и похромал к окну. Он замер, уставившись на от-крывшийся вид снаружи. Огромные многоэтажные здания в небесах, куча цветных огней и летающих машин. Вместо

привычной луны, непонятная зелёная планета с кольцами.

Один из медиков вздохнул и тихо произнес своей ассистентке практикантке:

— Бедолага. Шестьдесят семь лет провёл в вирте. Всё-таки не зря его относят к разновидности тёмных технологий. Ему нужна реабилитация для адаптации к нынешней среде.

— Доктор, неужели данное развлечение так уж сильно влияет на сознание? Я и сама, честно признаюсь, иногда провожу время в виртуальных мирах.

— Хлоя, одно дело, пару раз после тяжёлого рабочего дня. А есть такие, как мистер Кроу, помешанные на симуляциях. Из-за скучной жизни или ещё, по разным причинам, они отдаются вирту полностью. К примеру, сосед Аменабара по боксу, уже больше ста лет живёт в средневековье. Там он великий воин, а в настоящей жизни обычный курьер. Они много времени копят средства, а затем покупают себе путёвку в вымышленный мир, не думая о последствиях. Эти пропащие люди относят все сбережения, закладывают своё жильё, лишь бы подольше насладиться новым домом в вирте, а корпорации обогащаются за их счет.

Девушка бросила жалостливый взгляд в сторону человека, в ужасе наблюдавшим за неузнаваемым городом через окно. Доктор положил руку на плечо голого мужчины и с грустной ноткой обратился к нему:

— Аменабар, вы сейчас не в прериях дикого запада. Ваш бокс с рунами для вирта доставили к нам в реабилитаци-

онный центр. К сожалению средств, чтобы продлить симуляцию, недостаточно на личном счете. Оплачивать дальнейшее пребывание в таком мире вы не в состоянии. Изношенные органы за срок подключения, распечатали и заменили на новые. Так что за жизненно важные показатели можете не переживать. Не расстраивайтесь! — он похлопал мужчину по плечу и продолжил, — Лечение, таким как вы, оплачивает конгломерат из представителей дома Шикардов. Виртуальное погружение на длительное время, с приходом новых тенденций и принятых законов, запретили. Прерывать уже оплаченный вирт, корпорация всё же не стала, так как договор аренды оформлен на старых условиях. Рекомендую посетить собрание для зависимых, где делятся общими проблемами. Так вы, быстрее адаптируетесь к привычному ритму.

Человек повернулся к доктору и дрожащими губами произнес:

— Какого чёрта? Моё имя Тайлер! Где Хэмиш? Сенди? — мужчина совсем раскис и опустился на пол, держась за якобы простреленную голень. Боль в ноге ощущалась до сих пор.

* * *

— Всех приветствую. Меня зовут Аменабар Кроу.

— Привет Аменабар! — разнеслись голоса по залу в ответ.

Помимо настоящих людей, так же можно рассмотреть го-

лограммы личностей, расположивших зады на стульях. Им по различным причинам не удалось посетить собрание физически.

— Мое имя в вирте Тайлер. Я понемногу привыкаю к новому дому. Правда, забыть дикий запад сложно.

Виртозависимые, такие же, как Аменабар, понимающе замерли. Кроу изливал душу и рассказывал про свои приключения. Он делился историей, и стало видно, что расставание с предыдущей жизнью откликнулась болью в очередном предложении.

Каждую неделю Аменабар ходил на такие собрания и все расходы на лечение с обеспечением взяла на себя корпорация. Перед выходом из палаты больницы, он не мог найти свой ремень для брюк. Оказалось, атрибут висел там, где ему самое место, странно, что изначально он не обнаружил его на привычном крючке в шкафу. Затянув пряжку на четыре деления, как и Тайлер, Кроу посмотрелся в зеркало и вышел на балкон к специальному подъемнику, доставившему его тело на станцию. Такие штуки имелись возле каждой квартиры. Аменабар перемещался на наземном скоростном транспорте прямо в воздухе через всю планету, принадлежащую корпорации.

«Не будь таким серьезным...»

Заиграла песня на входящий звонок у одного из пассажиров, такая знакомая. Еще появилось странное желание купить наушники.

Перед взором в вагоне мерцали объемные голограммы в пространстве с различными заманухами. Ранее еще до аренды им виртовой капсулы использовались дисплейные гнущиеся пленки. Их растягивали полосами на любых поверхностях, где крутили ту же рекламу. На фрагменте с витаминами Кроу задумался, а потом резко переключился на женщин, жадно щелкающих орехи. Еще старик стоял возле свободного места, но садится никак не решался. Все эти простые события взбудоражили восприятие Аменабара, хотя на первый взгляд ничего необычного в происходящем не улавливалось. Он вдруг подумал о предполагаемой сумме, которую тратит на него корпорация, в данный момент возникли странные мысли и Кроу готов поклясться, что с ним уже такое раньше бывало.

Вишенкой на торте стали размалеванные в цвета радуги подростки с беспроводными гитарами.

«Квазар... больше не бьется внутри меня...

Яркий маяк теперь не броня ... ведь вырвусь вновь... в последний путь...

Взрывай... нужно зажечь этот важный диск...

Вырастить новое ядро... убить все вокруг... в этом суть...»

Девчонки исполнили до жути знакомую песню, только где ее слышал? Он так и не вспомнил.

Все могло идти своим чередом, как и в остальные дни, но именно сегодня всё внимание перевёл на себя человек

в чёрном шлеме и бронированном комбинезоне. Он неожиданно вбежал в зал для собраний виртозависимых и начал поливать из двух пистолетов по всем присутствующим, кроме говорившего. Уничтожив проекторы с голограммами и живых людей, незнакомец подошел к Кроу.

Аменабар замкнулся в сознании. Все сейчас слова Хэмиша смешались и становились пустым бесформенным звуком. Ведь он понимал, что его друг болен и ему нужна помощь. После заточения долгих лет в вирте они вдвоем опасны для общества. Хэмиш не дернув бровью застрелил людей в комнате, так же ловко как делал в том мире. А сколько он, возможно, еще погубил, чтобы добраться сюда и найти его?

— Хэмиш, послушай... Нам нужна помощь, поверь. Тот мир не наш дом. Я сам жалкий торгош запчастей для рунных капсул с виртом. Смог выйти на крупного поставщика и выбил себе аренду. Вспомни кем ты был? Друг... послушай...

— Они промыли мозги, Тайлер! Там Сенди... Тебе плевать? Айзек убьет ее! Слышишь?! Все проделки законников, накачали нас наркотой в тюрьме.

У Аменабара заблестели глаза от слез, а Хэмиш не переставал причитать какой-то бред. Кроу попытался протянуть руку к пистолету виртового друга, но тот отдернулся.

— Послушай, тебе помогут. Отдай мне оружие или еще кто-то пострадает.

Разъяренный Хэмиш направил два пистолета на Кроу, но тот среагировал быстрее, схватив его за руки. Все про-

изошло в точности как там на ранчо. Он пытался отобрать спрингфилд у Рассела и раздался выстрел. Новый ухажер его супруги спустил курок, чтобы убить тогда Тайлера, но из-за суматохи ствол снесло в сторону, и тот вышиб сам себе мозги. Вцепившись в обе руки Хэмиша, один из пистолетов прострелил воздух, а другой ему горло. Крови не было, оружие здесь отличалось, хотя по принципу небольшое сходство все же прослеживалось с пистолетами. Вместо громкого выстрела, слышно при спуске курка странное гудение. С выжженной дырой на шее, Хэмиш обмяк на руках у Аменабара. Оба ствола шлепнулись на пол.

— Н-е-е-е-т!!! А-а-а-а-р-г-х... Хэмиш...

Когда пришло понимание убийства Рассела, эмоции нахлынули другие. Он не желал смерти новому владельцу ранчо, но и не испытывал боль после осознания произошедшего, как в данный момент.

— Лучше бы я заткнулся и отправился с тобой в вирт... Друг мой...

Аменабар разрыдался, слезы рванули из глаз. Ему жаль Хэмиша. Ведь тот болен и невзирая на вымышленный мир, стал близким другом в нем.

Врачи рассказывали Кроу о самом тяжелом этапе у виртозависимых, кого вытаскивали с таким же глубоким сроком пребывания. Многие замыкались в себе на столько, что просто не говорили от слова совсем. Они могли принимать пищу, ходить в туалет самостоятельно, но всегда молчали.

Больные уже не взаимодействовали ни с кем в обществе. Некоторых удавалось реабилитировать, а другие погружались еще глубже в отчужденное состояние. Симптомы Хэмиша такие же, как и у Кроу первые дни, но это вполне естественная реакция. Аменабар понимал, что еще можно ему помочь. Они могли бы так же подружиться и здесь.

— А ведь я не знал его настоящего имени. Интересно, Сенди тоже есть в моем мире? Господи... лучше бы я вернулся немым овощем. Ну почему...?!

Аменабар продолжал истязаться чувством вины о сказанных словах и действиях, приведших к гибели друга. Кроу не заметил, как всё вокруг стало искажаться.

Интерлюдия. Цикады

Все убитые Хэмишем люди сливаются в однородную текстурную массу с полом и стенами. Неназванный выбирается из оболочки Кроу и повернувшись, прислоняет руки к челюсти замершего в ужасе Аменабара. Всю нижнюю часть лица существо присоединяет к себе. Раздается узнаваемый треск компакт-диска, а затем знакомый стрекот насекомых.

— А-а! — Неназванный падает на колени, держа в руках бумеранг с мечом Ванреда, кричит голосом Кроу и последние ноты визга становятся похожи на запись заевшей пленки.

— А...а...а...а...а...а... — протяженный возглас из человеческого делается прерывистым, дерганым с амплитудой чего-то механического и неестественного.

Что-то похожее происходило при обретении глаз и ушей, но на этот раз слышится собственный голос, пускай он пока и не может полностью управлять им. После бессвязных манипуляций с криками, звуки из рта прежние.

— Да что происходит? — вылетают наконец-то из глотки слова. Неназванный знает, это его воздух из легких, хоть тембр и звучит как у Аменабара, только гнусавее, ведь нет носовой полости. Все части лица Кенра, Ванреда и теперь Аменабара, в прошлом принадлежали ему, но объяснить их отсутствие не имеет возможности, просто знает, что так и есть. Странно это, оболочек не существует, а теперь, кажется, всегда присутствуют.

Крик обычный человеческий уже не тот, как несколько секунд назад. Неназванный дерет глотку изо всех сил. Он молчал до данного момента, не считая случаев, где переживает сущности всезнайки Камышей, убийцы великанов и Кроу. При мыслях о последнем, цепляется озарение, что Аменабар так же живет чужой жизнью в оболочке Тайлера, прям, как и сам Неназванный прошедший уже через множество судеб.

Разговаривает с собой, выпускает радостно в пространство новые слова. Он и дальше бы наслаждался своим приобретенным голосом, но прерывается, так как видит напротив фигуру в плаще с посохом. Стрекот цикад усиливается и исходит сильнее, чем обычно. Возвращается другое окружение, но очень резко, словно ничего не существовало ранее, будто мир Кроу лишь иллюзия. Чувства хлещут потоком,

Неназванный узнает место. Птицы, перевернутые и летающие сквозь асфальт, машины, впивающиеся в дома с дергающимися людьми. Некоторые куски неба, наслаиваются полосками на горизонт. Город наверху, Иерихон, битва с Тауном, всплывают в памяти.

Они тогда пришли в его мир, семеро. Шесть фигур видно, а один сейчас стоит перед ним. Неназванный в ужасе разворачивается и пытается сбежать, ведь он стер его тогда и обрек на скитания в полной тьме. Он сбился со счета, сколько эпох бродил по тому болоту, пока не встретил резчика.

— Нет! Отойди от меня, — он разворачивается рывком по расползающимся текстурам деревьев и асфальта, но фигура в плаще распадается на рой цикад, моментально обгоняя его.

Один из семерых собирается из насекомых в гуманоидную форму прямо перед беглецом.

— Я не хочу снова во тьму! Оставь меня! — голос Аменабара прокатывается по мерцающей наслаивающейся самой на себя улице, зависшей словно открытые окна на компе, ставшие формировать собственные копии из-за ошибки.

— Тогда не было выбора. Прости... Пришлось спрятать тебя от них... — слова вышли с мерзким стрекотом, будто насекомые научились говорить.

Неназванный понимает, что убежать от такого чудовища не в силах и останавливается. Да и куда? С окружением вокруг творится чертовщина, а объяснить всё может лишь сущность в плаще. Да и его ли это мир вообще? Кто он сам, откуда?

Недавно варился в хаосе, где нет звуков, слов и картинок, лишь мысли с внутренним голосом. Тогда терзали вопросы и сейчас же его снова собирают по частям, но загадок меньше не становится. В чем смысл? В том, чтобы постоянно искать ответы? До полного хаоса, Неназванный живет оболочкой деревни, строит Иерихон. Хочется приступить к беседе с одним из семерых, но он не знает с чего начать, а рука все крепче сжимает рукоять черного клинка в опасении, что снова придется пережить ту пустоту. Существо в плаще обращает внимание на бумеранг с мечом Ванреда.

— Встречался с черным уже... Хорошо. Ты пока не полностью восстановлен. Не бойся, нет сейчас необходимости стирать твои текстуры, скоро все поймешь, а теперь посмотри кое-что, — последние слова уже доносятся стрекотом из распавшейся фигуры на рой цикад.

Насекомые волной направляются в сторону неназванного. Существо пытается отмахнуться от них клинком Ванреда, но оружие будто рубит воздух. Мелкие твари облепили тело и раздается привычный треск, словно кто-то ломает болванку пальцами.

Все исчезает, сменяясь огромными синими деревьями, приятный аромат. Не успевает Неназванный насладиться пейзажем нового мира, как все внимание к себе приковывает она. Обнаженная девушка с баклажанными волосами прижимается к нему, а потом шепчет на ухо, но разобрать слова он не может. Татуировки на ее теле двигаются, превраща-

ьясь в странные знакомые символы, а Неназванный и рад бы вспомнить их значение, но не в силах. Готов провести в ее объятиях вечно, но через некоторое время девушка растворяется в воздухе.

Серия 5. Один из пилигримов

*мимо Мекки и Рима,
синим солнцем палимы,
идут по земле пилигримы.*

(с) Иосиф Александрович Бродский

— Зря ты так, Эрик! — разочарованным голосом отметил происходящее президент компании Оил Космо, ерзяя нервно пальцами внутри кармана пиджака.

Председатели корпорации с ужасом наблюдали, как горело кресло за их столом. Некоторые выбежали из помещения.

— Кем я являюсь по-вашему? Тем, кто станет просиживать зад?! Прежде всего, я – пилигрим! Вашу мать! — перекрикивал худощавый мужчина пожарную сигнализацию, держа в руке открытую бутылку.

На скандальном парне комбинезон с нашивкой космического крейсера в капле. Его носили под скафандром пилоты Оил Космо. После предложения вакансии в управлении корпорации, Эрик Плимут показательно облил предназначавшееся ему место в совете смесью для полетов и поджег.

— Мною выполнены условия контракта! Обещали, что если найду землю под колонию, то оплатят все года наперед и освободят от обязательств. Где мой корабль?! И лицензия на перемещение в космосе?! — возмутился Эрик, убирая бутылку в сумку, закрутив плотно крышку.

— Возникли трудности с конкурентами. Войди в положение! Мы ценим вклад такого поселенца, деньги ты получил все до копейки. К сожалению, нет возможности пока прекратить действие контракта, ведь из-за тяжелой экономической ситуации и нехватки штата, другие наши корабли временно не летают, — пытался скрыть гнев и сдержанно общаться председатель Оил Космо, но дергающаяся прерывисто левая бровь его выдавала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.